

К. ШЕМЕТОВ

АРХЕОЛОГАМ
БУДУЩЕГО

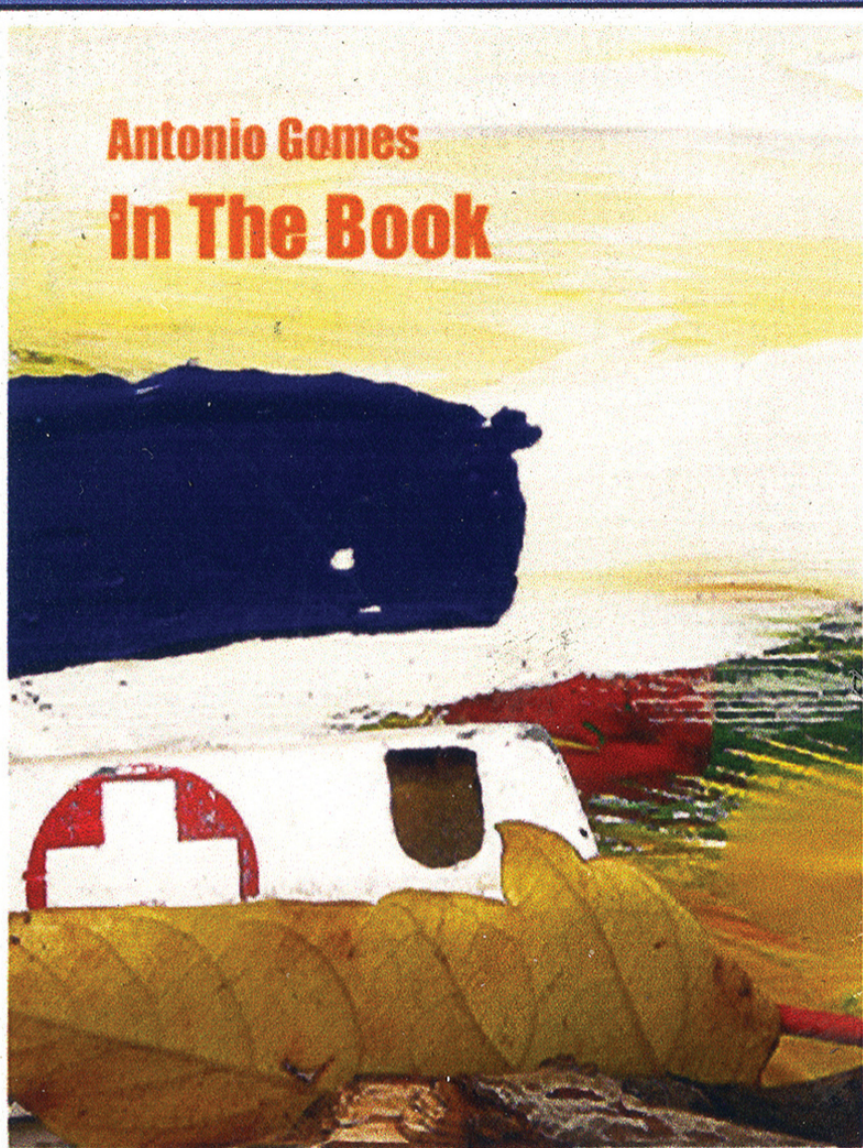
В КНИГЕ

02

2017-2019

Montauk
Cape Cod
Saline, MA
Centre spatial guyanais
Moon
Cabo de Hornos
Enceladus
Rockville Centre, NY
Gronland
Boston
Quincy, MA
Venezia

[... Влюблённость проехали, любовь с привязанностью тоже — он замудохался, — ему достаточно и Ваффи-памятника. Ему с ней нравилось. Во всяком случае, пока. А, оглядываясь назад, он будто скатывался — вместо того, чтобы подниматься — к своему счастью.]

[... Значимость прошлого ближе к финалу всё больше сомнительна, пришли они к выводу. Да и кто отказался бы из нормальных людей от возможности второй жизни: в компьютере, в книге, в голове у писателя, в механизме электрочайника, в стеклянном шаре с декорациями из Библии и медленно падающим с неба снегом, в кукольном доме или в модели железной дороги производства желателью США. Хотя, тут как получится. Признаться, Тони опасался вдруг оказаться в китайской модели железной дороги, а тем более в модели российской (РЖД — на любителя). Модель механизма в точности отражает помимо прочего менталитет и намерения производителя.]

«Геликон Плюс»

Константин Шеметов

В книге

«Геликон Плюс»

2020

УДК 83.3.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Шеметов К.

В книге / К. Шеметов — «Геликон Плюс», 2020

ISBN 978-5-00098-249-5

Продолжение романа «Вывоз мусора», где виртуальный клон главного героя думает, что он живой, но уже сомневается, вдруг действительно клон? Он теряется, ему страшно, а выбор неважный у персонажа: мир человека не так уж и сладок. Роман в романе. Антиутопия внутри снежного шара. Содержит нецензурную лексику

УДК 83.3.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00098-249-5

© Шеметов К., 2020
© Геликон Плюс, 2020

Содержание

Часть первая. Другая жизнь	6
I. Ресар	6
II. Неизбежность	12
III. Легкомыслие	18
IV. Преодоление	25
V. Вывоз мусора	31
VI. Оживление	36
Часть вторая. Макет обложки	42
I. Две самодельные открытки	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Константин Шеметов

В книге

© Шеметов К., 2020

© Геликон Плюс, макет, 2020

* * *

*Соединение легкомысленной формы и серьёзного сюжета
обнажает наши драмы...*

Милан Кундера, «Искусство романа»

Часть первая. Другая жизнь

I. Ресар

Вот и всё, он сбежал.

Сбежал из путинской России, сочинив напоследок книгу о своём будущем. Роман назывался «Вывоз мусора» (в одной из версий – «Образ лучше»), а дописывал он его в Литве, в дешёвом отеле на окраине Вильнюса и дожидаясь последней встречи с Эллой Пильняк.

Она знала его как Тони (безмятежный романтик, начинающий астроном), он же помнил её как Баффи (небольшая планета вблизи Нептуна и объект обожания – два в одном). Он любил её, она нет. Но теперь уже всё – останется книга. Приблизительно сотня страниц А4 параллельной реальности. Над заголовком шрифтом Verdana значился автор: «Антонио Гомес», и этот Гомес надеялся (надо же), что книга поможет забыть о Баффи. Забыть о Баффи и просто жить.

Зря надеялся. Хотя свидание вышло на редкость скучным, глядя на Эл, он ощутил уже забытый, казалось, приступ тайной влюблённости и подумал – напрасно: книга – лишь трип, а его «героином» оставалась всё та же Элла Пильняк. Впереди, очевидно, Тони ждёт ломка, затем ремиссия и вновь зависимость. Сто или сколько-то там страниц другой реальности коту под хвост.

И всё же нет. Едва возникнув, приступ исчез – рефлекс, наверно. Элла ничем, подумал Тони, не отличается от них. Он огляделся. По меньшей мере, с десяток «Баффи» крутились рядом. Ну и прекрасно.

Аэропорт, июнь, пятнадцатый.

Они пили кофе, о чём-то болтали, Баффи поглядывала на часы. Эл возвращалась из Барселоны к себе в Москву. Он направлялся в Лиссабон, оттуда в Конди (Vila do Conde), где ему предложили работу в местной газете.

– Значит, сбегаешь? – спросила Баффи.

– Можно и так, – ответил Тони. – Всё надоело, скотный двор. Как Барселона?

– Дома лучше.

Вот в этом «лучше», сука, и было, насколько Тони понимал, причина их дурацкой связи. Будь он патриотом, собакой Путина, Аллаха солдатом (что, в общем, забавно), возможно Баффи к нему и прилипла бы. Она прилипла бы, но он то что? Как такое вообще случилось (да, он испытывал чувство стыда) – полюбил конформистку?

– Роман, говоришь? – Баффи явно скучала.

По громкой давали Radiohead и не менее депрессивные объявления о задержках ёбанных чартеров. Задержки касались преимущественно Lufthansa. Впрочем, не только. Диспетчеры хуй с ним, их можно понять: с их нервной работой никто не хочет кончить психом за просто так. Другое дело – проводницы. Особенно в возрасте и склонные к полноте бортпроводницы Евросоюза настаивали на своём праве быть толстожопыми.

– Роман, говоришь?

– В романе нам лучше, а ты так и вовсе, – очнулся Тони.

– Так уж и вовсе?

Объявили их рейсы.

– Пришли как-нибудь, – Элла вскочила. – Адрес всё тот же. Хотя, как знаешь.

Они обнялись. Он – очень надеясь, что это конец, агония связи, она – едва. «Два двадцать два» – убегала строка чуть левой банкомата. Пахло ванилью, корицей, эспрессо. В два двадцать девять они расстались.

Что до «Вывоза мусора» – роман как роман. Не в меру чуть нравственный, но в целом – стёб. Оттого не поймёшь: и печально, и весело. Среди главных героев: сам Тони, Пильняк и Эфи Локошту – бактериолог из Понта-Делгада, подруга Тони. По сюжету (как, впрочем, и в жизни) Антонио Гомес бежит из России в Vila do Conde. С работой, однако, в Конди непросто. В романе он дворник. Обычный дворник, зато свободен. Беглец не бросает занятий наукой, увлекается живописью и чисто случайно, можно сказать, находит способ перемещения между реальностями. Такие перемещения, как выяснилось, возможны благодаря специфике восприятия человеческим мозгом определённого типа запахов (в основном отвратительных) и с помощью смеси из клеток растений. Возможность перемещения соответствует Множественной интерпретации Хью Эверетта, согласно которой состояние параллельных реальностей непредсказуемо, а их количество огромно и стремится к бесконечности.

Изучая многообразие параллельных миров, Тони из книги обнаруживает интереснейшие для себя вещи. Перемещаясь, к примеру, в другую реальность, в прежней реальности он умирает (возникает проблема утилизации тела – метафора, в общем, обращения с прошлым, по замыслу автора). Среди тысяч открытых новых реальностей (Тони тщательнейшим образом каталогизирует их) нет идентичных, но нет также и принципиально разных. Иначе говоря, вектор развития сообществ один и тот же, но развиваются они с разной скоростью и в зависимости от случайных факторов (к примеру, от климата, близости к варварам или сложившегося в обществе менталитета). Правда, есть и отличия. Так Тони с радостью обнаруживает реальность, где живы близкие ему люди. Один из них – Борис Немцов (хоть и в тюрьме, но не убит).

Любопытны также наблюдения за собой. В каких-то реальностях Тони, как прежде лоялен власти, время от времени он протестует (пикет с табличкой «Путин хуй»), иногда ему пофиг (он влюблён, остальное неважно), а подчас хоть и страшно, но он всё ж таки терпит – Гомес как бы смирился с деспотичным режимом и уповает на эволюцию. Как начинающего астронома, его необыкновенно радуют пусть и кратковременные, зато чрезвычайно познавательные перемещения на другие планеты. В таких визитах можно увидеть аллгорию перемен посредством воображения: мечтая, думая, стремясь, человек в состоянии существенно расширить своё внутреннее пространство, отчего он становится глубже, умней и ближе к здравому смыслу. Но особенно впечатляют Гомеса его новые (во всяком случае, более разнообразные) отношения с Баффи. Если в реальности он был влюблён лишь безответно (любовь болезненна, а такая вдвойне), то теперь куда лучше: как правило, они друзья, случается секс, а иногда и вовсе чудо – Элла отвечает ему взаимностью.

Всё это обескураживает. Скажем так, Тони всерьёз задаётся вопросами устройства мира. Он ищет суть и «вывозит мусор» (мусор постправды, заблуждений, пустых надежд), но и избежать декадентства в конечном итоге он не в состоянии. Чем больше знаешь, тем печальней: все измерения похожи; принципиальные перемены возможны лет через тысячу, а тем более в РФ, зло, как правило, побеждает, любая демократия заканчивается социализмом и так далее.

Тони тревожит близость смерти. Люди боятся своей смерти, а ведь, по сути, она решает все проблемы, за исключением недостатка радости при жизни. Стремясь компенсировать это упущение, а заодно и уменьшить страх, добавив смысла умиранию, Гомес изобретает так называемый «Браслет исхода» (BEND, Bangle End) – специальный гаджет для мертвецов. Замысловатое устройство в виде браслета и микрочипа в голове создаёт иллюзию новой жизни. Счастливой жизни после смерти и в соответствии с заранее заданным сценарием. Работа над гаджетом постепенно стирает границы событий между действительностью и вымыслом, в результате чего Гомес находит идеальное место для жизни, и этим местом является будущее: две тысячи сотый, восточное побережье Соединённых Штатов, Монток, дом, песчаный берег, на пляже Баффи. Она буквально теперь всюду. Тони доволен.

Книга лучше реальности, приходит автор к несложной мысли в конце романа, а, закончив, торопится на встречу с Эл (любимой Эл) в аэропорт.

Да, они встретились, но эта встреча лишь подтвердила его догадку: в реальной жизни ему не светит. Элла чужая, подумал Гомес, зайдя на борт и немало смутившись под приветливым взглядом юной литовки. Их места были рядом: он ближе к проходу, она у окна.

– Должно быть вы русский?

– Нет, это вряд ли, – ответил Тони, – но из РФ. В вашем вопросе скорей гибрид: немного русский, португалец, украинец и англичанин. Меня зовут Тони. Антонио Гомес, – представился Гомес.

– Очень приятно, Алге Виткевич. Гибрид поляка и литовки.

– Польский писатель был такой.

– Больше художник, – заметила Алге. – Покончил с собой в тридцать девятом. Мой дальний родственник, возможно. Точно не знаю.

Да и не надо.

Алге летела в Лиссабон из любопытства.

– Давно хотела, Тони.

– Правда?

– Да, после фильма. Вы, верно, знаете.

– «Ночной поезд до Лиссабона»?

– Точно!

– Красивые виды, книга, интрига...

Она улыбнулась.

Писатель Виткевич, покончил с собой в Украине, спасаясь бегством из оккупированной Польши войсками Вермахта и Красной Армией.

Вот и вся разница, да, Тони? – подумал он. Алге летела в Лиссабон из любопытства, а он бежал. Бежал от русских, как и Виткевич. Интересно: в родном городе Станислава Виткевича Закопане в его могиле похоронен отнюдь не он. Тело другого человека. Тело писателя свободно, как и при жизни. Авантюрист. Он был бы счастлив, надо думать, что так всё вышло.

И снова тело, – вернулся Тони к своей книге. Он умирал там раз пятьсот, утилизируя себя и, как ни странно, оживая в новой реальности. Прекрасно. Прекрасно, Тони.

– Что вы сказали? – Алге Виткевич словно читала его мысли.

– Так, ничего.

– Хотите виски?

– Хочу, наверно, а мы где?

– Летим над Польшей, полагаю. Мы в самолёте, вы в порядке?

– Не знаю, Эл, что-то не так.

Алге смутилась. Какой-то чокнутый попался. Вот и летай теперь, подруга, из любопытства, блядь, «Е-классом».

На самом деле они летели над югом Франции и приближались к Средиземному морю. Ещё немного и Лиссабон. Тони предчувствовал неладное. Раньше так не было. Разве что сны. Работа над книгой сносила крышу. Он так увлекался жизнью героев, что как бы и сам играл роль персонажа, воссоздавая виртуально события книги во сне, просыпался разбитым, не вполне понимая, кто он и где.

– Кто эта «Эл»? – спросила Алге. – Вы обратились так ко мне минутой раньше.

– Простите, Алге, это Эл. Элла Пильняк, моя подруга.

– Просто подруга? Не похоже.

– Да, я любил её когда-то, и в последнее время много думал о ней. Слишком много, наверно. Ещё раз, простите. Так где тут виски?

От алкоголя стало легче. В голове прояснилось, но ненадолго. Чуть позже, прощаясь у трапа с Алге, Тони снова назвал её Эллой. Хотя бы не Баффи. Он явно устал. Виткевич

кивнула – что с него взять. «Несчастный влюблённый. Бежит из России, к тому же, дерьмовой. А с виду нормальный. Русские, видно, все скрытые психи. Вот и воюют теперь со всем миром. Несчастливые люди – гибридные войны», – подумала Алге, но приняла вид «толерантной Европы» и лишь улыбнулась:

– Счастливо, Тони, не болейте.

– Ладно, не буду.

Аэропорт Лиссабона оказался точь-в-точь таким, как и представлял себе Гомес в своём «Мусоре». По Интернету, правда, было несложно выяснить план и даже детали Портела. Так что Тони всё вспомнил, включая стойку в одном из баров, где он встречал когда-то Эллу. При мысли «когда-то» стало приятно, ведь по сюжету его романа это «когда-то» наступит в будущем. Лет через пять. Через четыре, если точнее, как раз и наступит.

– Ты и, правда, так думаешь? – спросил он себя (в смысле «наступит»).

Да, он так думал. Желанные события, обещающие наступить в будущем, хороши не только сами по себе, но и в плане ожидания. Предчувствие секса, к примеру, доставляет иногда куда большее удовольствие, чем собственно секс. Всё впереди, короче, воспрянул Тони и, взяв такси, поехал в Назаре (Конди потерпит), где 12 июля четыре года спустя они проведут с Баффи один из лучших дней в его жизни. На Баффи будет платье в горох, множество браслетов, белые чулки, очки с прозрачными стёклами в форме неправильных овалов, зелёные кеды на высокой подошве и тату «Stay away» чуть выше локтя («Не подходи»). Красивые ногти, жёлтый лак, на запястье оранжевые Apple Watch, а также волосы цвета подсолнуха, собранные в пучок и ровно обрезанные спереди, как у Лоры из фильма High Fidelity (Ибен Хьеле).

Выйдя в Назаре, он буквально опешил: тот самый пляж, кафе под тентом, вдали виднелся волнорез; две перевёрнутые лодки. Не было Эл. Пока ещё не было. Они не плавали у буя, не целовались, не впечатляли своим сексом голодных чаек. «Всё ещё будет», – промолвил Тони, не сомневаясь в своём предчувствии. Надо же, он влюбился в идеологического врага. Не помогла даже книга. А ведь могла бы, рассуждал он, зайдя в кафе, и оттуда взирая, как плывут облака по небу, изменяя причудливо свои формы, тем не менее, опасаясь, и где-то предвидя психический сдвиг, при котором он вряд ли уже отличит прежний вымысел от реальности.

Так и вышло. Добравшись к вечеру в Vila do Conde, он встретил там Эфи. Эфи Локошту из его книги. Она удивилась.

– Ты? – смутилась Эфи. – А я всё думала тогда, в кафе «Chop-Suey», ты ли это.

Да, он там был. Переместившись на картину Эдварда Хоппера «Двойники» из галереи в румынской Сулине, Тони попал тогда в будущее. В будущее, но отнюдь не в Нью-Йорк, что было бы вполне объяснимым (кафе «Chop-Suey» [чоп суй] в пору Хоппера являлось частью сети китайских ресторанов в Нью-Йорке), а в Монток из полюбившегося Гомесу фильма «Вечное сияние чистого разума».

– Эфи? И где мы? – Тони выглядел оглушённым. Он оглянулся.

В полгоризонта шумело море, вдали маячили огни железнодорожной станции. Пустынный пляж, а в метрах пятнадцати, вряд ли ближе (сказать точнее было сложно – геометрия перспективы постоянно менялась подобно гигантскому чертежу на волнах Атлантики), стоял до ужаса знакомый дом. Ну, конечно. Гомес знал этот дом, ведь сам, по сути, и снимал его в своей книге про мусор ближе к финалу.

– Мы в Монтоке, Тони, – Эфи выглядела встревоженной (у друга склероз, а ведь молод, собака). – Две тысячи сотый, разве не помнишь?

Гомес кое-что помнил, но как-то не верилось. Он по-прежнему был в сознании (во всяком случае, наполовину), чувствовал время, мотивы и цель прибытия в Конди. Какой к чёрту Монток! Он что, свихнулся?

Похоже на то. Встреча в редакции местной газеты с главным редактором оставила гнетущее чувство потери себя и отвращения. Как выяснилось, Jornal de Notícias Conde («Новости

Конди») была хитровыебанным подразделением русскоязычной газеты «Буква» («Раша тудей» такой в печатном виде для иммигрантов из России). Гомесу же предстояло вести там колонку с новостями, так называемой, российской науки – еженедельно и с прославлением всего русского (лучшие в мире ёб-мобили, смартфоны с пятью экранами, нана-мопеды и так далее, не считая, естественно ракет, ядерного оружия и передовой технологии захвата прилегающих территорий силами местных жителей). Само собой он отказался.

– Помню, конечно. Просто не знаю, возможно ли это. Но, видно, возможно, – ответил Тони. – Привет, Локошту.

– Наконец-то.

Он взял её за руку – как живая.

– Ты как живая, Эфи. Давно мы здесь?

– Я где-то с месяц, ты, верно, дольше (я умерла в тридцать восьмом).

Соц-арт, какой-то, – припомнил Тони свои мытарства (беглец и дворник) по роману. Смена реальностей, их каталог и поиск такой, где хотя бы не стыдно за деяния русских. И вот он в будущем. Весьма отдалённом, надо сказать (как он и мечтал, программируя гаджет для мертвецов).

Дослушать Эфи, впрочем, не довелось. «Кино» внезапно прекратилось и Тони снова очнулся в обычном мире заурядной провинции на самом западе Европы. Он возвращался из продуктового магазина к себе на Sacadura Cabral в квартиру под крышей (напротив офис Tele2) и арендованную по сети месяцем раньше. «Здравствуйте, Тони, – промолвил он, – мы снова здесь, но раздвоились. Приплыли, словом. Поздравляю».

Поздравляй или нет, он явно сходил с ума. Перспектива не радовала: без работы, без денег, к тому же, с синдромом раздвоения личности. Как всё же вымысел, подумал он, лучше реальности. Но делать нечего. Поднимаясь по лестнице, он услышал придурочный хохот счастливых людей (те пинали, похоже, пустую банку из-под пива, что приводило их в восторг) и, закрыв за собою тяжёлые двери, испытал наряду с грустью облегчение.

По старой привычке Тони нажарил картошки с грибами и, поужинав, сел за компьютер. Его древний Compaq (привет из прошлого) кое-как заурчал; но, много ли надо... Была бы сеть, Winamp и Word – вполне достаточно для мудака, фаната Blur и графомана. Он залогинился в Фейсбуке. Последний пост его собрал целых два лайка; и хуй бы с ним. Зато пришло письмо из «Буквы». Там сожались, что всё так вышло, он русофоб, они не знали. «А вообще, зря, Антонио, – писал редактор, – вы сердитесь и возводите напраслину на «ёб-мобили, смартфоны с пятью экранами и нана-мопеды», как вы выразились. К тому же теперь вы лишились работы».

«Найду другую», – ответил Тони. Не для того он сбежал из России, чтобы снова работать на советскую власть. Пошли они в жопу. Из головы не выходили два жалких лайка на пост о прошлом, где Тони сравнил его с мусором. В большинстве русским нравилось советское прошлое, нравился мусор и они не хотели что-то менять. Им плевать было на свободу. Еды хватало, блядь, и ладно.

Признаться, Тони видел в сети (лет пять назад, по меньшей мере) предтечу неких перемен. Сеть не выносит диктатуры, ему казалось. Он ошибался. В Web творилась вся та же херь, что и в быту. Люди рождались, примыкали ко всяким группам, от них тащились, их чурались, и спустя время убивали (вполне реально убивали за видео, мысли и протестные тексты). В сети стучали, шли аресты, гадости больше творилось, чем в жизни, и даже известные либералы время от времени несли околесицу. Без компьютера лучше, размышлял подчас Гомес: никакой тебе сети, работы с постами часами впустую и прочих забот. Хотелось покоя. Покоя, как прежде, когда вполне хватало книги, чтобы совсем не ебануться от окружающей действительности. Сеть интересна, спорить глупо, но крайне редко, а виртуальные её свойства, по мнению Тони, были сильно преувеличены. Окунуться по-настоящему в прекрасный мир виртуальной реальности станет возможно разве что в будущем. Там и радость тебе, и покой.

«Другая жизнь», – набрал к утру он в поле для мыслей («О чём вы думаете») заголовок и ниже текст о своём восприятии творящегося в сети (не только в сети, но и везде, стоит уточнить) скотства:

Посты под видом идиотства
С людьми приходят. Ну, конечно.
Да пусть приходят себе, Костя.
Нам здесь не тесно.
Под видом мимолётных текстов
Проходит жизнь, и хорошо.
Пускай проходит, всё чудесно.
Найдёшь ещё.
Найдёшь другую – скажем, в книге,
Во сне, на небе, в голове,
Чужой и, надо же, любимой.
Да хоть бы где.

«Хоть бы где», вообще-то, его не очень устраивало, но почему бы и не повыебываться, размышлял Тони, в преддверии неизбежных перемен.

II. Неизбежность

*Едва проснувшись, я переношусь
В мир, чётко разлинованный на клетки;
Мне наша жизнь знакома наизусть.
Она – анкета, где я ставлю метки.*

Мишель Уэльбек, «Платформа»

Толком не выспавшись, он к полудню вскочил и побрёл к океану взглянуть, не выползли ли там на пляж черепашки. Нет, не выползли. Жаль. А если б выползли, Тони провёл бы в приступе радости час или два, вернувшись мысленно к любимой Эл в счастливый день из его книги: Пильняк играла с черепашкой, он предложил переместиться в любую точку, а Элла выбрала Нью-Йорк и там сбежала.

Не таким уж счастливым на самом деле был тот день, как мнилось Тони. Бегство Пильняк, как ни крути, отнюдь не выглядело неизбежным (неизбежна лишь смерть). Неизбежность, подумал Гомес, это то, что должно случиться, и непременно. «Что-то даётся нам легко, – словно утешал его Уэльбек в своей «Платформе», но напрасно, – что-то кажется непреодолимым. Постепенно всё становится непреодолимым; к этому и сводится жизнь». Видно, Тони достиг-таки той самой точки, когда жизнь превращается в сплошное разочарование, обыкновенные неурядицы становятся непреодолимыми, а страдание неизбежным.

Он посидел немного у пирса, поднялся и, позавтракав пищей в придорожном кафе, загуллил: «Депрессия, биполярное расстройство» и «Повреждение префронтальной коры головного мозга». Загуллил и пока разбирался, не овощ ли он, к нему за столик подседа Эфи. Эфи Локошту – бактериолог из его книжки про помойку.

– Нет, не сейчас, Эфи, я занят, – умоляюще обратился он к Эфи.

Если и быть с биполярным расстройством в книжке про мусор, то хотелось бы в одиночестве. «Хотя бы пока, а там посмотрим», – чуть не добавил было Тони, но не успел. Может, и к лучшему. Эфи явно обиделась бы, а так занят – и занят.

– Что ж, нет, так нет, – отозвалась Локошту.

«Влюблённый призрак», – мелькнула мысль, и оказалась последней Тониной мыслью в кафе под тентом и как человека с чётко выраженной идентичностью.

Дальше он раздвоился. «Тони с приветом» отправился в Порту искать работу и переделывать визу, а «Тони-двойник» вернулся в будущее и, вернувшись, испытал облегчение. Да, бог ты мой – быть сумасшедшим так комфортно! Всё тот же Монток, галерея, в небе носились облака, ветер трепал его одежду и падал снег. Снег падал, но тут же таял. На минуту Гомес заскочил домой – проверил почту, переделался и, купив билет до Нью-Йорка, поехал на выставку гобелена в Метрополитен-музей.

Посмотрев гобелены, однако, он случайно наткнулся на рекламу развёрнутой в соседнем зале экспозиции, посвящённой искусству в периоды войн. «От Крестовых походов, – значилось в постере, – до конфликта в Европе». Под «конфликтом в Европе», как выяснил Тони, имелся в виду обмен ядерными ударами между Россией и ЕС в семьдесят третьем.

Экспозиция содержала в основном фотографии, вырезки из газет, скриншоты и видео. Скорей не видео даже, а объёмные инсталляции, выполненные в стиле виртуальной реальности, где можно было не только увидеть, услышать, потрогать, но ощутить запах и в принципе пообщаться, кто хочет, с обречёнными на скорую смерть (и прекрасно понимавшими это) людьми и даже животными. Тони запомнилась одна собака – она не скулила, впрочем, не

лаяла, зато буквально заглядывала Гомесу в самый мозг, и он реально мог услышать её; собачьи мысли точнее, лишь прикоснувшись к ней.

– Как же хуёво, – сказала собака, опустив морду и исподлобья взирая на экскурсанта. – Ты понимаешь?

– Да, понимаю, – ответил Тони, прикинув, что вряд ли собака оправится после ожогов, полученных травм и изрядной дозы радиации.

Собаку звали Софи и говорила она (или думала – Тони так и не понял) с явно выраженным славянским акцентом. Да, так и было: несчастье застало Софи в Украине. Она спасалась как раз бегством, предчувствуя беду, в Молдову, но не успела. Ей ещё повезло – Софи не погибла в первые дни и, как следовало из пояснений к инсталляции, прожила ещё около года, скитаясь в районе Бессарабии среди преимущественно обезлюдивших поселений, где хотя бы осталась еда (уже хорошо). В целом же из-за «конфликта» погибло около 100 миллионов счастливых в прошлом (безмятежных скорей) европейцев, явно недооценивших коварство восточного соседа. «Истиной причиной катастрофы, – гласила справка к экспонату, – признаем это, явилось непростительное равнодушие подавляющей части населения развитых стран к воинствующим амбициям РФ в первой половине уходящего столетия».

Неподалёку от Софи возились небольшими группами люди – измождённые, с унылыми лицами, одетые в лохмотья и сразу видно, утратившие всякие иллюзии насчёт будущего. Они вполне осознавали всю неизбежность своих мучений и, в общем, смирились, судя по отрешённости во взгляде. Пришибленные, короче. Разве что дети: не понимая толком, что происходит (им-то казалось, всё нормально), дети резвились, вопили и носились, как бешенные вокруг костра; ни дать, ни взять – сообщество первобытных маугли.

Теперь понятно, отчего гобелены с выставки гобеленов (особенно изготовленные в последние лет тридцать-сорок) выглядели столь примитивными и искусственно жизнерадостными, хоть на стену лезь. Человечество переживало, похоже, непростые времена; тяжелейший период в своём развитии, когда соединились на беду средневековой разбой и высокие технологии. Хай-тек и дикая Россия родили чудовище; а чем труднее в реальной жизни, тем допотопней (в смысле способов выражения) и более возвышенным (в смысле замысла, полёта фантазии и желания отстраниться) выглядит искусство. «Гротески на жёлтом фоне», – припомнил Тони серию идиллических гобеленов, выполненных по картонам Жана-Батиста Моннуайе (XVII век). Период Барокко, так сказать. Продолжительность жизни в ту пору была ниже некуда, да и собственно жизнь ломаного гроша не стоила. Отсюда и сюжеты с праведным гневом, ангелами и святыми Рубенса, к примеру.

Вот такие «Гротески», надо же. Хотя, что удивляться – нечто подобное Тони и предвидел в своём сценарии для мертвецов, рассчитывая, что к две тысячи сотому все повымрут. Он ошибся лишь в количестве вымерших. Таковых оказалось намного меньше, чем могло бы быть, а с учётом естественной демографии так и вовсе – людей существенно прибавилось. Как заметил однажды Милан Кундера в «Неведении», «в отношении будущего все ошибаются».

На Земле проживало теперь около десяти миллиардов несчастных, три четверти из которых составляли арабы; точнее мусульмане, а уж откуда они конкретно явились, не суть. Солдаты Аллаха, безусловно, держали слово и весьма последовательно исполняли свои намерения вытеснить неверных, во всяком случае, из Европы. США пострадали в меньшей степени, и то, потребовалось, по меньшей мере с десятков боевых операций в Азии и кардинальное изменение иммиграционной политики при жесточайшем противодействии правозащитных организаций. Полезные идиоты будто специально работали на Хамаз, подыгрывая тем самым хитрожопой России. Они реально считали, что собаки Аллаха – как собака Софи: такие же мученики и несправедливо обиженные, вполне себе кроткие существа – мало ли кто подорвал себя на Манхэттене, псих какой-то.

Выставка гобеленов, короче, пошла на пользу. Тони кое-что прояснил, а, закончив осмотр, попрощался с Софи и набрал наудачу нью-йоркский номер Эллы Пильняк. Баффи долго не отвечала, но где-то с десятой попытки взяла-таки трубку (что, заметим, как раз и было предусмотрено Гомесом в его пресловутом сценарии).

– Да, Тони, знаю, мы в твоей книге, – ответила Баффи, – привет. Как сам?

Как же приятно было слышать любимый голос, изрядно забытый, надо признать, из-за дурацкой суеты последних дней в Vila do Conde.

– Пока не знаю, я только прибыл. Но в книге лучше.

– Ты скучал?

Не то слово, скучал. Он, по сути, и прибыл сюда из-за Эл. Из-за Эл и ещё чтобы сделать их союз неизбежным (хотя бы попробовать, скажем так). Она ждёт его, он приехал, они любят друг друга – такой сценарий.

– Не то слово, а ты?

– Я ждала тебя. В Нью-Йорке снова дают «Петрушку». Правда, многое изменилось. В две тысячи сотом вообще как-то странно.

Элла права. Многие выглядели теперь необычно: толпы людей (не протолкнуться), машины ездили без водителей, иные летали, и даже «Петрушку» давали, надо же, отнюдь не на русском, а на чеченском – официальном языке современной России.

– Даже опера на чеченском, – добавила Баффи, – нам вряд ли понравится.

– В РФ пиздец?

– Можно и так.

– А поехали в Монток.

– В Монток?

– Монток в феврале.

Он рассказал ей про Монток, как там красиво, безлюдно и тихо в это время, пустынный пляж, а дом у моря почти как фильме про Клем и Джоэла.

– Клементина мне нравится, мы чем-то схожи (две распиздяйки). Но ты ведь не Джоэл, – ответила Эл, маскируя презрение дутой иронией.

– Вот и посмотрим, вдруг что-то выйдет.

Но, нет, не вышло. Уже в дороге Элла сердилась, что-то язвила по каждому поводу, без повода тоже, а дома устроила настоящий скандал. Вот ведь зараза, расстроился, Тони, запершись в ванной, и, вызвав такси, отправил Баффи назад в Нью-Йорк.

Стало полегче. Ночь выдалась тихой. И ветер, и волны в заливе застыли, словно предчувствуя скорый исход. Исход – и ладно. Спустившись к морю, Тони добрёл до маяка. Маяк напомнил ему Скай. Там примерно такой же маяк и дом, где Гомес по книге провёл немало счастливых дней: плавал на лодке, встречал Новый год и даже влюбился однажды в русскую, а та вынесла ему мозг (он едва унёс ноги). В небе, словно песок, рассыпались звёзды, миллиарды галактик. В Москве такое не увидишь, да и на Скае как-то не так. Нечто подобное бывало в Конди – близость к экватору, что ли? «Как знать, возможно, и здесь – в своём распрекрасном приложении для мертвецов – я подобрался к финалу, – размышлял Гомес. – Некоторое время и повинуюсь рефлексу, моё тело ещё чуть подёргается, но мысленно я уже буду файлом, переданным в дата-центр при каком-нибудь ВУЗе восточного побережья. Надеюсь, финал там хотя бы последний и мне не придётся править программу в состоянии смерти опять и опять».

Нет, не придётся. Никто не станет себя корить, сбившись со счёта, глядя на звёзды, их слишком много. Так же и Гомес: наутро проснувшись, он обнаружил «смерть» забавной. Во всяком случае, мир сносен, даже если принять во внимание возможность ошибок в его программе. Светило солнце. Небо, море. В самой дали на горизонте виднелась баржа.

Тут-то и началась свистопляска. Тонин сценарий, будучи организованным как нейронная сеть и способный к саморазвитию, стал преподносить сюрприз за сюрпризом, открыв астро-

ному второе дыхание. Захотелось чего-то большего, чем просто шататься лабиринтами книги (утопической, скажем прямо). Откуда-то взялись мысли, одна за другой рождались идеи и вполне себе стоящие. Тони обрадовался, и уже к полудню набросал страниц на двадцать спецификаций для новых гаджетов. Набросал, после чего смотался к радару (всё, что осталось от местной легенды – так называемый, «Монток проект») и настроил письмо Локошту, где в общем виде изложил свою гипотезу о возможности ментального перерождения человека в состоянии психических неполадок.

– И что ты строчишь, – явилась Эфи, не прошло и минуты, – трудно зайти?

– Прости, увлёкся, – смутился Тони.

– Я же здесь рядом.

– Да, ладно, хуй с ним, давай по делу.

– Давай сначала сварим кофе, твоя гипотеза – вполне, но мне надо прийти в себя. Есть сигареты?

– Есть только «Ротманс», ты их помнишь? С зелёной кнопкой, типа «лайм».

– Такие здесь уже не курят.

– Да здесь вообще уже не курят.

– Разве что мы.

– А есть такие же?

– Точно не знаю. Твоя Элла, к примеру. Она, правда, в Нью-Йорке. Есть ещё Ларри (он там же), Сендлер (его подруга). Какой-то Ослик (Генри Ослик), не знаю, кто он, живёт в Британии (кажется, в Ширнессе). Твои друзья из московского «Клона», они в Кирибати.

Короче, все здесь, кто хотя бы отчасти был с Тони близок. Неясно с Осликом пока (какой-то Ослик).

– А Ширнесс – остров?

– Нет, это город на острове Шеппи. Я и сама удивилась, а Ослик – профессор и близкий друг Джонни. Ты Джонни знаешь?

– Да, Джонни знаю. Джонни Фарагут – диссидент и писатель.

– Видно, что-то с программой твоей не то.

– Спасибо, заметил.

– Вот и подумай.

Пока он думал, Эфи возилась с чем-то в кухне, молола кофе и курила. Дом наполнялся табачным дымом потомков Ротмана. Надо же, Луи (Луи Ротман, изобретатель бренда «Rothmans», 1890) скручивал первые свои сигареты вручную, продавая затем их в киоске на Флит-Стрит в Лондоне; и не случайно. В ту пору здесь располагались преимущественно редакции газет и журналов. Так что первыми покупателями его продукции стали журналисты и репортеры. Лучше рекламы не придумать. Тот же метод в теории Тони мог бы использовать и для будущих своих гаджетов: сборка вручную (благо несложно), продажа по клубам для местной элиты. Богатым свойственны причуды, они же будут и рекламой.

– Омлет готов, бекон и кофе, – прервала Эфи его мысли. – Что до гипотезы, идеи... твои идеи – парадокс: зачем намеренно быть психом? Но в том и прелесть – сумасшедшим быть даже выгодно. И как?

– Что как?

– Омлет.

– Омлет что надо. А не хочешь, Локошту, пожить у меня? Прости, что наорал вчера. На самом деле с тобой спокойно.

– И это всё?

Если рассудить, ощущение просто комфорта безо всякой любви куда лучше любви.

– Нет, правда, Эфи. Мне сейчас не до секса, но нужен друг.

– Как скажешь, Тони. Мне и самой довольно скучно, а без тебя было и вовсе. Хотя ты сам меня забросил... сюда, я злилась.

– Хочешь в Делгада, я знаю, хочешь. Как-нибудь съездим, обещаю. Так что там с гипотезой?

– Быть психом выгодно.

На это собственно он и рассчитывал. Две тысячи сотый, как ему показалось, был как-то слишком идеальным, а люди в нём определённо зашуганными. Люди явно боялись чего-то. Страх поселился буквально на лицах, во взгляде, жестах. И хоть все улыбались (что тоже странно), было понятно – радость наигранна. «Не хватает безумства», – пометил Гомес на полях в своём блокноте для заметок и разных мыслей. «Что вы хотите, в самом деле, они ведь даже не читают», – поведала ему экскурсовод с той экспозиции про войны (а Софи подтвердила). Тогда-то Тони и подумал об «имитаторах» – устройствах для кратковременного воссоздания различных видов сумасшествия. Гаджеты были бы популярны, сомнений нет, у местной публики. Как Эфи заметила, психом быть выгодно (он всегда невиновен и по-своему счастлив).

– И по-своему счастлив, – повторил Тони вслух. Омлет остался недоеден. – А соцсеть у них есть? – обратился он к Эфи. – Что-то типа Фейсбука?

– Да здесь всё, блядь, «фейсбук». Попробуй, вякни в здешней сети – тебя услышат и увидят. Все приложения прозрачны; ты как на улице бездомный – укрыться негде.

– А защититься?

– Всё, что ты пишешь, скажем, в Ворде, доступно всем. Всё, что ваяешь в Фотошопе, слушаешь в плеере, смотришь в Ютубе, другие люди критикуют, банят и правят. Защититься? Только покинуть сеть совсем, что, в общем, тоже нелегко.

Сеть – обязательный придаток, добавим, в будущем каждому. Родившись, младенец получает аккаунт, а дальше пиздец: он прозрачен. Видны его мысли; да что там мысли – его запах и сам он на ошупь открыты всем. Выйти из сети – что умереть.

– Вот почему так интересны мне показались, – Эфи вздохнула, – твои идеи насчёт книг. Прежде не думала, но книги (письмо ли, чтение – не важно) не только делают умнее, но также сводят и с ума.

– А что в России?

– Примерно то же, но там мотивы совсем другие. Если на Западе всё честно: ты есть как есть – живи спокойно. Не нарушаешь общих правил, к тебе никто не доебётся, а доебётся – тому хуже, то у чеченцев (читай – русских) будешь убит, если так надо Аллаху, скажем. Там психов, кстати, убивают. Косить под психа смысла нет. За последние годы (наверно, лет тридцать) русские вышли из всех договоров, из всех конвенций, включая Женевские по правам человека.

Что тоже честно, подумал Тони, хотя бы так. Как оказалось, во многих странах теперь при рождении человеку вживляют специальный чип. В сущности, это и есть его гаджет (вместо айфона, самсунга и прочих), а всё остальное – «периферия» в традиционном понимании начала двух тысячных. Периферийными устройствами в две тысячи сотом считались любые предметы, так или иначе, сопровождающие человека в повседневной жизни. Поручни в метро, к примеру, унитаза, дверная ручка, очки, кровать, асфальт, бордюры, пивная банка, карандаш, страница книги. Короче, всё, что имеет текстуру и можно потрогать. Большинство предметов изготавливались особым образом и снабжались специальными сенсорами, что позволяло через прикосновение к поверхностям отслеживать любые действия человека со встроенным чипом.

– Всё начиналось с протокола «Антитеррор», – добавила Эфи, – разработанного совместно спецслужбами Евросоюза и США в пятидесятые. Без чипа, Тони, тут не выжить. Ни в кафе расплатиться, ни в магазине, сразу же вычислят. Начнут разбираться – в итоге посадят. В лучшем случае – депортация. Я вообще-то не против и депортации: в Понта-Делгада и с чипом неплохо, но в твоём случае – это Россия.

– Чечня, вообще-то. И как же жить тут? Ни продукты купить, ни одежду.
– Можно украсть, но лучше не надо. Мне покупает, к примеру, подруга, мы познакомились на пляже. Проблема в деньгах.

– Криптовалюта?

– Как-то так. В ходу теперь электронная наличность типа биткойна, если помнишь. Бумажных денег давно нет. Спасибо Эмили, я плачу ей натурой.

– Секс?

– Надо же как-то жить. В этом смысле твоя гипотеза и гаджеты, о которых ты размечтался, могли бы нас выручить, был бы спрос.

– А не проще ли вставить чип, раз такая херня?

– Здесь точно не вставят, только на родине, так сказать, откуда ты прибыл. Сначала вернут, – Эфи соорщила гримасу. – Если вернут, конечно, Тони. Скорей посадят лет на двадцать, «а там посмотрим», как говорится.

– Пиздец какой-то.

– Должна заметить, из-за чипов будет не просто не только сохранить инкогнито, но и избежать фиксации взаимодействия с твоими гаджетами покупателей.

– Я уже понял. Пусть фиксируют. Насчёт инкогнито надо подумать. Не знаю, птиц, допустим, диких животных они же трогают. Да и тебя, кстати, пока не вычислили, а ты ведь не только трогаешь Эмили...

Локошту замаялась.

– Они и видеть тебя могут её глазами.

– Их протокол, наверно, глючит.

– Я бы сказал, несовершенно.

Идея же Гомеса заключалась в следующем: увлечь население чтением книг. Свести с ума литературой, образно выражаясь. По замыслу, они с Эфи должны были озвучивать разные книги (на Тонин вкус, естественно, умные и не очень, но развивающие воображение), записывать их в сжатом формате и продавать в виде бумбоксов размером с флешку как «лекарство» от сети (он собирал такие в детстве, ничего сложного).

– Ничего сложного? – Эфи прикрыла жалюзи и поставила Nada Surf, альбом две тысячи второго (инди-рок-группа из Нью-Йорка, альбом «Let Go»).

– Как бумажный кораблик, Локошту: два транзистора, микросхема и разъём для наушников от разбитого телефона.

– Но здесь нет телефонов, микросхем, и наушники вряд ли есть, они встроены уже в их мозги.

– На заводе закажем.

– Переспать со всем цехом?

Тони будто заиклило. Складывалось впечатление, что он всерьёз собирался вернуть людей (население Монтока, во всяком случае) в состояние ускоренной эволюции. «Это их неизбежность теперь», – заключил он не без иронии, дослушав композицию «Run» в конце третьей по счёту пластинки Nada Surf и проникшись её легкомысленным оптимизмом.

III. Легкомыслие

«Означает ли легкомыслие похуизм? – задался вопросом Гомес наутро. Эфи спала. Она согласилась пожить у Тони день или два (а там посмотрим). – Это вряд ли. Легкомыслие, как ни крути, даже по смыслу предполагает работу мысли, а похуисту всё до лампы. Вероятно, не всё, но большей частью. Он вряд ли станет утруждаться общими рассуждениями, предпочитая конкретные и эгоистические интересы».

Удовлетворившись ответом, Тони почувствовал себя скорей легкомысленным: и что ему не живётся? Нет, обязательно надо спасать кого-то. А хотят ли вообще эти люди спасаться?

– Ты же денег хотел заработать, – проснулась Эфи.

– Что толку, Эфи, у нас всё равно нету чипов.

– Продуктов дадут, одежду. Хотя, ты прав – это не жизнь. Как-то унижительно получается.

Но уже к вечеру ситуация прояснилась. Подруга Локошту, Эмили, подсказала, как поступают с этими чипами эмигранты. Они вставляют их нелегально, прибегая к услугам подпольных фирм. Оплата в рассрочку. Всё просто, короче. «Антитеррор» и прочие протоколы, может, и сдерживали исламизацию Запада, но были бессильны перед коррупцией. Не убиваемый рефлекс, сформированный эволюцией одноклеточных, доведённый до совершенства приматами и узаконенный человеком в качестве обыденной практики.

– И что будем делать? – спросила Локошту.

– Не знаю, Эфи. Не для того я отправил нас в будущее, чтобы так унижаться. Ладно бы чипы, контроль и слежка, но взятки, ложь... Всё это было и при жизни. С меня довольно.

– И не исправить?

– Что исправить?

– Твою программу, блядь, мне тоже... как-то не светит тут шататься. «Браслет исхода», или как там она называется.

– Думаю, нет, ведь мы мертвы и я понятия не имею, как устроен тот гаджет для мертвецов.

А ближе к ночи за ними пришли. Два полицейских и собака. Слуги закона.

– Антонио Гомес, Эфи Локошту? – спросили «слуги».

– Да, это мы, – ответил Тони.

– Пройдёте с нами.

– Мы попались?

– Я сожалею, – кивнул полицейский, тот, что постарше. При нём имелись пистолет, дубинка, шокер и устройство с виду похожее на сканер штрих-кода.

– Сканер штрих-кода? – спросил было Тони.

– Что вы сказали?

– Нас посадят?

– Нет, это вряд ли. Нелегалов, не совершивших иных преступлений, мы не сажаем.

– Их выдворяют, – добавил тот, что помоложе (амбал размером с самосвал).

Локошту сникла: «Прости, Тони».

Их взяли под руки, обесточили дом и наутро отправили ближайшим рейсом кого куда: Локошту в Порту, а Тони в Москву – столицу российского халифата.

В аэропорту его встретил какой-то дядя в тюрбане и с удостоверением сотрудника МИДа. Дипломат был приветлив, подчёркнуто демократичен, но в своём тюрбане и джинсах выглядел мукак мукаком. Он поздравил Тони с возвращением («С возвращением на родину, Антонио Викторович») и справился, не нужна ли ему помощь с оформлением документов.

– Вообще-то нет, – ответил Тони.

– Если надумаете, вот визитка. Халяль на Рижской, в любое время.

– В любое время?

– Да, так и есть. Пока же, Тони, наденьте это.

Он протянул Тони кольцо.

Антонио медлил.

– Право, не стоит. Я не ношу колец, спасибо.

– Да, надевайте уже, Гомес, такой порядок.

– Какой ещё в пизду порядок, пошли вы на хуй!

И в тот же миг Тони собрался и врезал дяде со всей силы прямо по морде. Тот пошатнулся, он врезал ещё раз, и что было мочи, бросился прочь. Халяль на Рижской, вот ведь суки, крутилось в голове. Сбежал. Беглец был счастлив – пусть на время, но он свободен. А не так уж и плох этот гаджет («Браслет исхода»), подумал Тони, добравшись к ночи на Солянку.

Насколько он помнил, в районе Солянки был в своё время приличный отель с видом на Язу. Возникнут, наверно, некоторые трудности с оплатой: он хоть и с евро, но вряд ли евро столетней давности теперь в ходу. Однако ж, нет, всё получилось куда проще.

– Вы иностранец? – спросил портье.

– Да, иностранец.

– Есть валюта?

– Криптовалюта?

Таджик кивнул.

– Есть старинные деньги, – нашёлся Тони. – Банкноты евро и монеты. Пойдут, надеюсь?

Пойдут – не то слово. Монеты тем более. По какой-то причине особенно падки на всякого рода антиквариат азиаты, и вообще мусульмане. За пару монет, короче, с изображением Христофора Колумба Тони снял номер. Вполне себе номер: с видом на Язу, как и хотел, с джакузи, мансардой и местным «вай-фаем», с которым, правда, неизвестно, что делать – айфон ни сеть не ловил, ни сигналы провайдеров. Как и монеты с изображением Колумба, Тонин айфон годился лишь портье на забаву, и то не факт. Антиквариат, словом.

Господи, да он и сам был антиквариатом! С прошлым его связывали лишь обрывочные воспоминания о жизни до эмиграции, ломанный русский таджика, падкого на старинные деньги, и кириллица, выпиравшая отовсюду: с рекламных баннеров, витрин, призывных молитв и дорожных указателей. Тексты были в основном на чеченском, реже – татарском и таджикском (в районах гетто, как понял Тони) и совсем редко (объявления от руки, как правило) на русском. Преобладал, к несчастью, чеченский язык – отвратительный не только на слух, но и визуально крайне неприятный, словно подобранный издевательски набор согласных, чередуемых изредка гласными буквами из родного, казалось бы, алфавита.

Не спалось. Тони вышел на улицу и, поднявшись на Большой Устьинский мост, с грустью отметил, как всё ему похуй. Он словно заболел безразличием. «А хотелось, не знаю, легкомыслия, что ли», – подумал Гомес, и, плюнув в реку, вернулся в номер.

На ночь он устроился в мансарде – забарабанил дождь – и, поставив на плеере альбом «Animals» TTNG (This Town Needs Guns, группа из Оксфорда) размечтался. Жаль, конечно, что его гаджет, «Браслет исхода», блядь, занялся саморазвитием, явно не предусмотренным изобретательным дворником из книги про мусор. Жил бы в Монтоке себе с Эллой (любовь как отпуск после смерти), а не шатался подворотнями халифата, будь он неладен, спасаясь бегством, надо же, от мудака в тюрбане. Зато не скучно, утешился Гомес. Завтра, как пить дать, прибегут полицейские, а я, выбравшись через крышу и минуя мечеть напротив, дам дёру в сторону вокзала. У Павелецкой меня схватят, но, исхитрившись, я кое-как ускользну из лап исламистов и в последний момент, возможно, запрыгну-таки в вагон поезда «Москва – Воронеж», или какие там поезда теперь ходят в стране победившего путинизма. Приключение, словом. О чём-то подобном он и думать не смел, будучи в Вильнюсе (мучимый болью, любовью, предчувствием) и сочиняя усталых от жизни персонажей.

Между тем, «Animals» подходил к концу. Как раз закончилась композиция Crocodile, оставались Rabbit и Zebra. Потрясающий эффект, вообще-то – он слушал «Животных» уже два года, почти каждый день, а музыка не надоела. И, поди, разберись теперь, в чём секрет. Взять тех же Blur или Green Day – они нравились Тони, но как бы мысленно, издали, без приближения; слушать их ежедневно было бы невыносимо. TTNG играли так называемый math rock (математический рок), основой которого в представлении Гомеса, являлись фракталы Бенуа Мандельброта. Вероятно, в этих фракталах и содержался секрет длительного приятия весьма тривиальной, по сути, последовательности звуков и пауз британской рок-группы. С этими мыслями он и уснул.

Уснул в Москве, а проснулся (пришёл в себя скорее) в Конди и в облике второго «я» – «Тони с приветом», как мы и условились в предыдущей главе. Его подобрал двумя днями раньше неподалёку от кафе (кафе под тентом, где он раздвоился) Альфонсо Педру, местный поэт, и сдал его в клинику. Бывает же – палата Тони в точности соответствовала палате, описанной Гомесом в его романе, за исключением картины – вместо «Комнат у моря» Эдварда Хоппера на стене у окна висел календарь на пятнадцатый год. Врач, правда, тоже была не Лекстор (не Мотя Лекстор, как в романе). Вместо подруги над ним склонилась, судя по бейджику, доктор Андреа (Эса ди Кейрош Андреа Мария).

– С возвращением, Тони, – улыбнулась ди Кейрош.

– Здравствуйте, доктор, – промямлил Тони.

– Я всё понимаю, но так рисковать с вашей болезнью недопустимо.

– С моей болезнью?

– А вы не знали?

– Нет, конечно.

– У вас «раздвоение», синдром расстройства множественной личности. В вашем положении, скажу сразу, крайне легкомысленно шататься по городу, да ещё эмигрантом (благо, что русский).

– Меня выдворят, доктор?

– Нет, Гомес, спокойно. При вас документы, виза, страховка. Правда, виза рабочая, но не суть. Мы вас вылечим.

– И как долго?

Оказалось не долго. Спустя неделю терапии (весьма интенсивной – уколы, таблетки, сеансы гипноза) ему стало лучше. «Расстройств идентичности», как сказала бы доктор, не наблюдалось и, получив выписку, он вернулся домой.

– Найдите работу, никаких треволнений, принимайте лекарства, – напомнила медик. – Ждём вас по пятницам, звоните. Звоните, вот номер, мало ли что.

Мало ли что... Насчёт работы – а что если дворником? «Мести улицу, как в романе, – подумал Тони. – Я бы справился, и потом: никаких «треволнений», с утра убрался и свободен. Раз уж я болен». Ему предложили место на свалке и пару улиц в районе Ave. Он согласился и на неделе приступил. Было нетрудно, но как-то странно – как прошлым летом, когда вместо штрафа за проезд без билета в московском трамвае ему назначили принудительные работы. Гомес чистил бордюры в парке у «Бабушкинской» и ощущал себя таджиком. На самом деле, Тони нравилось – хоть какая-то польза (от астронома), и рядом с домом.

На свалке возиться было не очень, это понятно – вонь и вообще. Зато у Ave он отдыхал. Река, казалось, уносила дурные мысли. С утра пораньше Гомес ехал на самосвале к месту свалки. Там загружал машину-две и шёл к реке, где подметал, чистил бордюры, косил газон и возвращался примерно к часу уже домой. Он много читал, ни с кем не общался. Похоже, сбывались события книги: сначала квартира в том же районе (и улица та же), затем больница и вот он дворник.

Постепенно это стало навязчивой мыслью – выискивать совпадения. Он ожидал, хотел и нет. Особенно досаждала вонь. Вдыхая смердящие испарения, Гомес готовился к перемещению (пусть подсознательно) на «пикет» к Соловецкому камню, в Нью-Йорк, на полюс ли – не важно: при таком ожидании недолго свихнуться. «К раздвоению личности добавить психоз мне как раз не хватало», – рассуждал про себя он, не решаясь признаться в своей мании доктору. Пятничные осмотры кое-как обходились, пока однажды Тони не встретил в магазине бытовой химии Henkel Подравку Смешту. Сучка (он называл её так в романе) возилась у входа с метлой и в перчатках, и выглядела точь-в-точь, как он и представлял её себе.

– Простите, – решил Тони, – а вы не Подравка случайно?

– Подравка Смешту из Молдовы, – ответила Смешту.

– Из Чадыр-Лунга?

– Тут вы ошиблись, а в чём дело?

– Пока не знаю, – Гомес терялся. – Я вас придумал в своей книге. Точней, не вас, конечно, образ. Вы так похожи, и ваше имя...

– Спасибо, конечно, но мне не до связи.

– Не в этом смысле.

– Чего же вам надо?

– Ладно, забудьте. Просто совпало, я растерялся.

Уж растерялся, так растерялся. Они постояли ещё с минуту. Было неловко. Оба молчали. Перчатки Смешту пахли резиной. На том и расстались.

«Бывают такие совпадения, – зафиксировал Тони, спустившись к морю, – что начинаешь подумывать о некой надстройке над жизнью (и смертью, наверно) – вселенском компьютере с элементами искусственного интеллекта». Насколько искусственным был «интеллект» сразу не скажешь – и выборка была ничтожной, и опыта не хватало. Зато хватало любопытства: вернувшись домой, он не стал пить таблетки, а решил перечитать фрагменты «Мусора»; те места, что касались новых знакомств Тони в Конди (какие ещё его ждут совпадения?).

Тут-то и случился диссонанс (когнитивный диссонанс, строго говоря) – Гомес нашёл себя разбуженным звуком сирены, доносившейся с улицы, в отеле у моста с видом на Язу. «Вот и вернулся, – подумал бы Тони, – в столицу чеченского султаната», – если бы мог.

Как Тони и мнилось, за ним пришли. Вслед за сиреной раздался стук в дверь, ужасные крики. Чеченский, блядь, подумал Гомес. Из рации подобно лаю, доносились переговоры не в меру рассерженных слуг закона. Он хотя бы их ждал: спал, как солдат, не раздеваясь, мигом вскочил, вылез на крышу и, озираясь, спустился лестницей во двор (пожарная лестница – трибьют свободы). Они не отстанут, ясное дело, надо бежать. Убираться из города и поскорей. Впрочем, также и ясно – пути к отступлению давно закрыты. С Павелецкого вряд ли ему уехать. Вокзалы оцеплены, Домодедово тоже. Разве что электричками. С ближайшей платформы, к примеру, рижского направления он мог бы добраться до латвийской границы. Да, с пересадками, прячась по тамбурам, избегая контроля, собак, полиции, но это выход; хотя бы возможность. Будет непросто, конечно, и, не найдя других решений, Тони бросился в сторону Рижской (халяль на Рижской, вот ублюдки).

К семи утра он миновал Крестовский мост и добрался до Дмитровской, где незамеченным сел в поезд, не многим отличавшийся по комфорту и воню от привычных ему электричек в далёком прошлом. Так называемый пневмопоезд шёл до платформы Кадыр-шах (в прошлом, как выяснилось, Шаховская) – напроочь прокуренный восточными смесями, загаженный мусором; чеченский мусор тут считался частью Аллаха и был святым. У Истры, не выдержав, Гомес вышел.

И правильно сделал – немногочисленные пассажиры, в основном, мусульмане, судя по виду, стали коситься на Тони. Чужой. Они приметили чужого – не стесняясь, рассматривали

его и всякий раз сплёвывали, стоило Гомесу бросить взгляд на кого-нибудь из «хозяев». Что он видел в их лицах? Снисходительное самодовольство, презрение, ненависть, пустоту. Пустоту – как отсутствие приличных манер («интеллекта», чуть не сказал; какой там, к чёрту, интеллект). А в конце девяностых, надо же, приезжие выглядели такими тихими. Тони думал, затурканные, сочувствовал им. Представлял на их месте себя; словом, беженцы. Он видел в них жертв, заступался за них, испытывал даже комплекс вины за развязанную в Чечне войну его бандитским правительством. И вот итог: Аллах акбар. Что советская рвань прежде, русская погань периода Путина, что нынче эти.

До ближайшей платформы он добирался часа три – пешком и придерживаясь гигантской трубы со сжатым воздухом. Сжатым до отвращения, до невозможности дышать, до скуки, бессилия и похуизма. В ничтожной стране лучше быть похуистом.

Платформа предстала необитаемой – двери заперты, погашен свет. Где-то мяукала кошка. Стать невидимым... Стать невидимым, как эта кошка – мечта отшельника в бегах. Но котом стать непросто, а быть невидимым – чистая аллегория. Будь он прозрачен, однако, как было бы к стати. В трубе загудело.

Проект пневмопоезда, вероятно, был воплощением знакомых по прошлому Тони замыслов Илона Маска. Хотя, как знать – принцип тяги на сжатом воздухе известен издревле: от пневматической почты до локомотива Барановского, построенного в 1861 году на Александровском заводе в Санкт-Петербурге. В свое время сжатый воздух использовался в двигателях торпед, для привода трамваев и локомотивов в горной промышленности, а в 1903 году британская компания Liquid Air Car начала производство и пневмоавтомобилей. С транспортом, правда, оказалось куда сложнее, чем с торпедами и стрелковым оружием – двигатели, функционирующие на сжатом воздухе, обладали низким КПД и стоили дорого. Эту проблему в начале двух тысячных попытался решить концерн MDI (Motor Development International, Франция) с проектом «зелёного такси». Пытались многие, впрочем, но всякий раз что-то мешало, а в две тысячи тридцатых идея «чистого» транспорта стала особенно актуальной в связи с угрозой экологического коллапса.

В трубе загудело, стало быть.

– Вы что-то ищете? – услышал он голос (почти забытый чистый русский), а, обернувшись, ошалел буквально: у входа на станцию стояла Баффи.

– Пильняк?!

– Как видишь.

– Но как возможно?

– Узнала от Эфи, тебя поймали, и вот я здесь. В «счастливом сне» это несложно. «Браслет исхода», если помнишь; ты так хотел.

– Хотел?

– Ну, да. Иначе как бы я решила бросить Нью-Йорк и притащиться в жопу мира. Но времени мало, пора возвращаться.

– И как возвращаться?

– Я на такси. Поедем ко мне, а завтра в Нью-Йорк.

– Ты так спокойна.

– Я здесь легально. Не в первый раз уже.

– Легально?

Да, так и было. Элла летала в Москву регулярно. У неё здесь квартира. «И даже бизнес, – продолжила Баффи уже в машине (такси без водителя, автопилот; вполне комфортно). – Сюда приезжаю примерно раз месяц. В голове микрочип, но как-то привыкла. Ты зря отказался надеть кольцо. Это не больно и не обязывает к чему-то такому, что незаконно. В Штатах сложнее. Куда сложнее, и стоит денег».

Как следовало из рассказа Баффи, кольцо, предложенное Тони, являлось частью процедуры легализации клиента. Внутри игла и микрочип, который позже доработав, вставляют в мозг: персональные данные, геолокация, датчик тактильности и чтение мыслей. Делают быстро, в любом халяле.

Едва ли Тони такое устроит.

– Едва ли, Баффи, позорно как-то.

– Такой порядок.

– А если нет?

– Предлагают на выбор: тюрьму и уехать.

– Лучше уехать.

– Вот мы и уедем. В Нью-Йорке вставишь микрочип, и все дела. Денег я дам.

– И все дела?

– Что предлагаешь?

– Хуй знает, Баффи, буду ездить... Мотаться стану туда-сюда.

– Туда-сюда?

– Всё ж лучше, блядь, чем унижаться.

– Ладно, как скажешь. Я всё объяснила.

Проехав Марьино (бывшее Марьино, ныне Дават – приглашение, типа, в ислам с арабского – элитный район: небоскрёб, сто мечетей), они вскоре прибыли к дому Пильняк.

Гиляровского, 50. Опять совпало: на этом месте в своё время был штаб Алексея Навального. Недолго, правда – под каким-то предлогом штаб быстро прикрыли. Да и предлогов собственно, особо не требовалось.

– Вот мы и дома, – сказала Баффи. У подъезда пиздели о чём-то чечен и два русских. На вид обыватели, но хуй его знает. – Они свои, не бойся, Тони, – шахиды притихли, Элла кивнула им.

«Вот мы и дома», – промолвил Тони едва слышно, а чуть позже признался (уже в квартире, выйдя из ванной – как же приятно бывает помыться), что испугался этих троих и что вряд ли их выпустят завтра в Нью-Йорк.

– Я уже оплатила все штрафы (нас выпустят), включая штраф за мордобой, учинённый тобою.

– Он сам виноват.

– Дипломат?

– Да какой он, в пизду, дипломат – чекист в тюрбане.

– Мне пришлось извиняться.

– И зря.

– Ладно, проехали.

Ночь выдалась долгой. Тони вскакивал то и дело, шёл к окну и подолгу стоял там, обозревая проспект Мира и вывеску на перекрёстке: «Баный». «ё Баный переулок», припомнил Гомес свою книгу и события, связанные с Борисом Немцовым в параллельной реальности (в тюрьме, но жив). В жизни непросто, подумал он, вот и приходится выдумывать то то, то сё.

Зря Элла приехала. В сущности, он теперь ей обязан, а истинная свобода – в вежливом безразличии. Баффи не любит его, ясно; держит за друга, но дружбы Тони не просил. Другая жизнь – те же проблемы. Он включил было экран на кухне, но тут же и выключил – титры... Мелькнули титры на чеченском. «Кириллица», – записал Гомес, и в скобках: («Титры», бра-вурно-печальное стихотворение об РФ). Узнаю кириллицу как-то с болью, подумал Тони. Хватает доли какой-то мгновения, чтобы сникнуть от ужаса предстоящей бессмыслицы. «Узнаю кириллицу, – заключил он, – пиздец.

– В титрах узнаю, в голосе.

В жестах, мимике, в полосах
дождя, как в прописях,
в окриках наконец».

Тут же следовал и постскриптум: «P.S. Ежеминутное преодоление животных рефлексов
– участь приличного человека».

IV. Преодоление

Наутро они отправились в аэропорт, прошли досмотр и, поднявшись в небо рейсом до JFK, благополучно покинули воздушное пространство российского халифата. Лайнер стремительно набрал высоту и, преодолев звуковой барьер, словно замер над глобусом цвета газовой горелки из детства Тони (уроки химии, блядь, как же он не любил их). Гомес ждал невесомости, но нет, невесомости не случилось, зато взгляду открылась карта звёздного неба – миллиарды галактик в безвоздушном пространстве чёрного космоса.

Тони устался в иллюминатор, размышляя о словах, коими (поразительно, он всегда удивлялся) можно описать любую картину, явление, что хочешь, вплоть до вряд ли осознанного и едва уловимого онлайн ощущения реальности. Баффи держала его за руку. Подали виски. Виски со льдом (на вкус как «Джемесон»), эспрессо и шоколад типа Rioba из «Джонни Грин Паб» у Крестовского моста начала десятых.

– Слова, как конструктор, – обратился он к Эл. Та листала свой гаджет, что-то тыкала там и, тыча, казалось, извлекала буквально, если не деньги, то способ.

– Конструктор?

– Слова на деле – просто конструктор. Как «Лего», к примеру; словарь – как коробка с деталями «Лего», но если детали можно потрогать, слова не тактильны и всё же объекты... – Тони запнулся, – объекты из слов гораздо сложнее, объёмней и глубже.

– Ты прав, наверно. Как всегда, – Элла привстала. – Скоро посадка, пристегнись.

Он пристегнулся, но что толку. С Эллой так скучно. Гомес признателен, конечно. Эл помогает ему, правда... ни любви, ни надежды не становится больше. Приращение долга убивает влюблённость. Прибыв на место, Эл рассчиталась за микрочип. Тони проверили на толерантность, Эболу, грипп и отпустили.

– Что ж, поздравляю, вот ты и дома. Поедешь в Монток? – спросила Баффи.

– Так будет лучше.

– Как знаешь, Тони.

Они обнялись.

– Спасибо, Эл.

– На твоём счёте 100 биткойнов. Дом оплатила до июня. Найдёшь работу, позвони.

– А как звонить?

– Просто подумай. Просто подумай, что звонишь, и я отвечу. То же касается и Эфи. Да всех, короче, кого знаешь.

Звучит неплохо. Он «позвонил» – подумал о Баффи, та тут же ответила: «Привет, как слышишь?». Голос звучал, как будто Эл находилась внутри него и являлась субъектом воспалённого «я». Весьма необычно – всё в новь и приятно.

– Слышу прекрасно, – ответил Тони. Никаких тебе гаджетов, блютуза, наушников, а качество звука напоминало винил: звук такой же объёмный, с обилием низких частот и потрескиванием.

– Шум внутренних тканей, сосуды, кости, – Эл засмеялась. – Ты нечто, Костя (ну, в смысле Тони). Ладно, до связи.

Пильняк отключилась и, махнув на прощанье, смешалась с толпой увлечённых обыденностью, зашуганных, странных, но, да – приспособившихся к новой реальности нью-йоркцев. Он не спешил. Прошёлся по городу, постоял у витрины магазина пластинок Ирины Сендлер в далёком прошлом, а ныне бутика модной одежды и, подумав о Ларри внезапно и, в общем, совершенно случайно «набрал его номер».

– Да, слушаю, Стэнли.

– Ларри, привет.

- Привет, а кто вы?
- Антонио Гомес.
- Антонио Гомес? – Ларри явно не ждал. – Гомес из книги? Персонаж?
- Может, и автор, сам не знаю.

Он и, правда, не знал. Больше склоняясь к тому, что автор, Тони терялся, ведь в здравом рассудке автор не может быть персонажем. Иначе он болен и раздвоился. Шизофрения, короче, пугала, вот он и боялся когнитивной эмпатии, можно сказать, к себе самому.

– А я всё думал, какого хуя, – продолжил Ларри, – мы здесь забыли. Пильняк говорила о твоём гаджете, но как-то не верилось.

- Прости, так вышло.
- Мы загружены в матрицу?
- Думай, что хочешь.

– На самом деле здесь неплохо. Другая жизнь, работа, дом. Дом на Манхэттене, Ира довольна. Впрочем, ты знаешь, ведь сам придумал.

- Сендлер играет?
- Всегда мечтала. Их группа в топах, пишет стихи. У меня фирма.
- Как ты хотел.
- Может, увидимся?
- Давай.

Над Тони пролетело нечто, похожее на вертолёт.

- Давай, но позже.
- А ты где?

– У магазина пластинок. Правда, вокруг ни пластинок, ни Сендлер теперь не видно. Бутик одежды. Насколько я помню, однако, так и должно быть – сочиняя сценарий загробной жизни (счастливой жизни после смерти), Тони старался изменить привычный статус персонажей при переносе их в будущее. К тому же, сам гаджет, «Браслет исхода», кое-что изменил, и будет менять ещё (ошибка кода, вероятно).

– Зная твой код (твою способность выёбываться, программируя, в сущности, простые задачи), ничего удивительного, – Ларри, казалось, улыбнулся – Гомес услышал необычное бульканье в области сердца. – Я даже рад. Если подумать, с непредсказуемостью интересней. Куда интересней, нежели холить одно и то же, как в прежней жизни. Ты в курсе, Путин оказался (я тут узнал) покруче Гитлера? Нас уже не было, а его клон всё так же правил; в семидесятых уничтожил половину Европы.

– Так это был клон, – Тони словно пришибло. – Я кое-что слышал (война, всё такое), но что это клон... клон ублюдка не знал. Расскажешь при встрече – признаться, устал. Весь день на ногах. Только вернулся (спасибо Баффи) из РФ. Пиздец какой-то – халифат. Еле сбежали.

– Ладно, до встречи.

– Я еду в Монток. Там пробуду, во всяком случае, до лета. Жду в гости, Ларри, там красиво – дом у залива (залив Форт Понд), озеро, дюны, лодка, пляж. Приезжайте скорее.

Вертолёт (или что там ещё зависло у бутика на Пятой) покружил и минуту спустя улетел. Улетел, а Гомес подумал о ситуации Кафки: что происходит, в общем, ясно, кроме мотивов. Мы никогда не узнаем, к примеру, почему Замза превратился в жука, или за что приговорили к смерти героя «Процесса». В отличие от сюжетов бедолаги-туберкулёзника мотивы происходящего с Антонио казались вполне очевидными – жизнь после смерти. Ощущение же абсурда, однако, не покидало, хотя и следует признать, Гомес постепенно свыкался с ним.

Надо будет заехать в музей пилигримов, решил он позже, запрыгнув в поезд и глядя в окно, как мелькает штрих-код. Кейп-Код, как и Монток казался волшебным. Тони не раз представлял его мысленно, что-то писал о нём в своих заметках, выискивал ссылки на Мыс Трески; к примеру, у Бродского, Воннегута, Гениса. Там же Макс Фриш, но у Фриша чуть тоньше; ско-

рей мимолётно, поток сознания, и как аллюзия на причуды влюблённости: восточное побережье, дюны, тоска, потеря, радость, преодоление. Преодоление себя, включая возраст, память, прошлое (имеется в виду повесть швейцарского писателя Макса Фриша «Монток», 1975).

Монток встретил его дождём. Ветер трепал Тони, как баннер (растяжку на проспекте Мира). И всё же было так красиво если не чувствовать, то допускать себя заблудшим пилигримом. «Вот я и в книге с микрочипом в больной, пустяшной голове», – подумал Гомес уже дома, согрешившись виски, поставив Гайдна в ноутбуке и закулив.

Только теперь, чуть расслабившись, Тони внезапно ощутил боль в голове. Не пронзительную, нет, вполне терпимую боль, но словно вытягивающую из мозга клетку за клеткой, и сконцентрированную слева за ухом, куда ему вставили микрочип. Иностранное тело, казалось, вторгаясь в пределы чужих территорий, искало себе простых оправданий и легко находило их. Тут кто кого. Но как бы то ни было, процент отторжения встроенных чипов, если верить статистике, считался ничтожным. Местные власти, образно говоря, начинали сотрудничать, партизанские войны длились недолго. Тому, вероятно, подошли бы скорей объяснения биологического характера, в том числе, и касательно захвата реальных территорий войсками Путина: в Украине и Грузии, во всяком случае, сопротивление очень скоро сошло на нет, а оскорбленное население подвергнутых атаке стран предпочло смириться. К вечеру выпал снег.

«Выпал снег, – зафиксировал Тони в своём микрочипе (в общедоступной сети будущего). – Дождь и снег – генераторы воспоминаний. Ещё запах и музыка. Музыка, текст, похожие лица, одежда, голос. Их сочетание, фрагменты фильма, номер троллейбуса, прикосновение. Форма письма, пересадка в метро, дурацкий баннер о выборах Путина. Баннер о скидках, название банка, имя писателя... Выпал снег. Ночью было красиво, но теперь уже поздно. Генератором связи с минувшей ночью отныне будет этот пост, перечеркнувший всё на свете».

Так и вышло: Тони вновь очутился в Конди, а его пост, зафиксированный в Монтоке две тысячи сотого, как раз и явился генератором связи с его галлюцинациями. Наконец-то он вспомнил, чем занимался его двойник пока «Тони с приветом» валялся в отключке.

Лучше кино, театра, трипа, подумал Тони. Быть в своей книге гораздо лучше. Вообще-то не в книге; если точнее, в её продолжении. Он бессознательно, по сути, пишет роман. Не задаваясь конкретной целью. Даже не скажешь, что для себя. Случайный процесс. Так пишут роботы; могли бы писать в недалёком, наверное, будущем. Что ж, робот так робот. Не всё ли равно, откуда берутся слова и сюжеты. Зато как приятно снова писать.

Он сел за компьютер, в Ворде набрал «In the Book», название первой части («Другая жизнь») и до полуночи уже составил раздел «Ресар». Обычный текст. На деле – краткое содержание предыдущей книги. Минимум данных, немного вымысла (без рекапа не обойтись), а ближе к утру набросал события романа вплоть до текущих, разбил на главы и распечатал.

Хоть и не выспался, на следующий день Тони чувствовал себя прекрасно: голова не болела, никаких раздвоений, работал спокойно, ни мусор, ни виза (рабочую визу продлили на месяц; всего на месяц, и хуй бы с ним) не раздражали. Он ждал лишь вечера, когда смог бы продолжить набранный текст; закончить главу, где наконец-то достигнет покоя, преодолев своё беспомыслие, «шизофрению» и похерив диагноз Андреа Марии Эса ди Кейрош. Пусть Тони и болен, но не глотать же бесконечно её таблетки. Возможно, справится как-то и сам. Во всяком случае, быть в книге куда приятней. Сеть, к сожалению, не отстраняет, доктор не лечит.

«Койоты в городе, – продолжил он, – подумал Гомес, выйдя на пляж посреди ночи и заведя у дома с десяток койотов. Койоты выглядели весьма пугающе, но реальной угрозы не представляли. О нашествии койотов на восточное побережье он знал и раньше. В начале десятых необычайно холодные зимы в окрестностях Нью-Йорка вынудили койотов переместиться из леса к местам обитания человека и крыс. Вероятно, почуяв возвращение Гомеса, они пришли теперь и к нему, надеясь (кто бы сомневался) немного поесть. Сбившись в стаю, койоты

молча, но недвусмысленно, взирали на Тони, особенно пара лохматых щенков, и тот прикормил их остатками ужина (салат из кальмаров, надкушенный гамбургер, пачка печенья). Койоты поели, сказали спасибо и убежали, скрывшись из виду буквально в минуту, оставив Гомесу гадать, что будет завтра».

Назавтра дворника ждали на свалке (на свалке в Порту), а Тони, друга всех койотов – мысли о будущем скорее: он без работы, в другой жизни, но в другой жизни ему лучше, он завтра едет в Провинстаун. Накануне Гомес, и вправду, встретил койотов вблизи от дома и поделился с ними остатками пиццы. Салат из кальмаров, печенье, гамбургер были лишь вымыслом его двойника. Невелика, правда, разница. Музей пилигримов был на ремонте, и Тони просто шатался у моря, курил и пил колу в местном кафе, листовая Фриша в микрочипе и Иосифа Бродского с его «Колыбельной Трескового Мыса» в карманном издании, подаренном Баффи. Он постепенно свыкался с сетью; та, как бегущая строка, носилась где-то в лобной части, но Тони было всё равно.

Покрутившись у монумента первым поселенцам, он направился к маяку, когда услышал в голове вибрирующие звуки – «звонила» Эфи из Понта-Делгада.

– Ты не поверишь, Тони, я тут нашла свои тетрадки из тридцать восьмого (как раз перед смертью пыталась их спрятать), гербарий и гаджет. Тот самый гаджет, что позволял перемещаться нам во времени, между реальностями и в пространстве.

Он не поверил. Эфи имела в виду так называемый MS-гаджет (A device for moving in space, DNS), изобретённый Тони в прошлой жизни.

– Невозможно. Ты, верно, шутишь.

– В том-то и дело, что так и есть. Всё сохранилось, даже смеси. Я испытала – гаджет работает. Вернулась в прошлое к дому у озера (Сети-Сидадиш), помнишь, наверное.

Да, Тони помнил.

– Мы, правда, были там мертвы, – вздохнула Эфи. – Заодно убралась. Вероятно, тогда мы работали над новым способом перемещения на образ и условились как-то встретиться, набив тату с текущей датой, но понапрасну; опыт не вышел. Назад вернулась на полянь. В Понта-Делгада полянь всё та же.

– Так это правда.

– А ты где?

– Я снова в Штатах, спасибо Баффи (спасла от плена), в Москве пиздец. Что будем делать?

– Хочешь, приеду? Привезу смеси, прогуляемся в прошлое.

– Да, но что дальше?

– Хуже не будет.

– А если будет?

– Всегда вернёшься. Нарви какой-нибудь травы хоть в Монтоке твоём, хоть где.

Невероятно. Гомес меньше всего ожидал такого поворота. События книги обернулись реальностью. Тони не автор, как он надеялся, а настоящий персонаж – с его заморочками, включая склонность к меланхолии и изобретательству. Чудом сохранившиеся вещи Эфи (особенно смеси – плод неуёмной фантазии и трудолюбия главного героя «Вывоза мусора», выкинутого из РФ за ненадобностью) перевернули, в сущности, его представление о роли персонажа в жизни писателя.

Острое любопытство вызывали у Гомеса также тетради Локошту – в некотором роде дневник за последние двадцать с небольшим лет её жизни и записи, касающиеся опытов с перемещением между реальностями на пару с Тони и в одиночку. Тетради, смеси, гербарий и гаджет (гаджет-переместитель, собранный Эфи на основе распылителя духов) исправно пролежали все эти годы в пластиковом кофре Bosch для электроинструментов. Валялись себе в

подвале дома Локошту у озера Сети-Сидадиш, не вызвав при этом ни малейших вопросов у двух поколений по меньшей мере новых квартиросъёмщиков.

– Дашь почитать?

– Что почитать?

– Твои тетради. Как документ, они могли бы меня встряхнуть. Вернуть уверенность, что ли, не знаю. Я до сих пор не понимаю, к примеру, принцип смены реальностей, не говоря уже о деталях устройства гаджета, как делать смеси, как управлять перемещением. Преодолеть амнезию, другими словами. Проснуться, Эфи.

– Да, без вопросов. Я и сама не понимаю многих вещей. Надеюсь, вместе разберёмся. Тогда, до встречи.

– Пока, Локошту.

Разберёмся? Легко сказать. Тони рассчитывал на случай, а ставка на случай – последнее дело. Если только случайность, конечно, не сумма вполне сбываемых событий, а клиент заблуждается, нуждаясь в подсказке. «Работа мысли, опыт – лучшее, что может мне теперь помочь», – подумал Тони, и принял. Пахло йодом (эффект от водорослей), мокрой пылью, дождём и морем, выпечкой, кофе, его сигаретами. Что только ни пахло, включая мусор, посетителей бара, асфальт, бордюры, деревья, шпалы, сухие листья, траву и звуки, что тоже пахли, как ни странно. Пахло увиденное, невидимые картины, но ощущаемые через мозг, и на ощупь предметы.

В этом всё дело, наверное – запах. И Тони вдруг вспомнил свои «провалы» в Vila do Conde, будучи дворником. С этих «провалов» всё начиналось. Он падал в обморок от вони и вскоре (надо же) перемещался на одиночный пикет в Москву, а то и в российский анклав, куда-нибудь типа Донецка, Сухуми, Тирасполя. Там его забирали в полицейский участок, насиловали шваброй и выбрасывали на помойку, возвращая тем самым в исходную точку («ставя на место», образно выражаясь).

Найти объяснение своим «пикетам» с точки зрения физики было непросто. В его представлении вонь возбуждала нейроны, усиливая так их электрические характеристики, чего хватало, вероятно, для прохода в реальность, параллельную Тониной и расположенную буквально на расстоянии атома от предыдущей. Таких измерений, доступных для жизни («пикетов», любви, ошибок, боли и так далее), огромный массив. Понять, однако, механизм до конца и в деталях Тони так и не смог. Не разобрался с механизмом и Тонин знакомый профессор Додж из Лиссабонского университета. Додж не успел; он вскоре умер, и не в одном, а, по крайней мере, в большинстве из тех измерений, что Гомес исследовал путём каталогизации.

В Провинстауне стихло. Ближе к вечеру все словно вымерли. Лишь койоты и какие-то белки (сурки, может, кто ж поймёт) мелькали отрядами то там, то сям, как российские коломады в районе Луганска времён оккупации Путиным Крыма. Пора возвращаться, а то съедят, рассудил Тони, и, вызвав такси, вернулся в Монток.

«Вот, зачем Монток, – записал он, вернувшись, в своём «Фейсбуке», – возвращаться». Был даже фильм такой когда-то, поставленный, кстати, опять же по повести «Монток» писателя Фриша «Возвращение в Монток» (Rückkehr Nach Montauk, режиссёр Фолькер Шлэндорф, в главных ролях Стеллан Скарсгард, Брона Галлахер; Германия, Ирландия, Франция, 2017). Гомес, правда, не смог тогда посмотреть этот фильм (ни торрент скачать, ни онлайн). А вообще любопытно, как удалось экранизировать столь путаный поток эмоций; массив отрывочных воспоминаний из жизни писателя в лучшем случае.

Немного о вони ещё – как выяснилось (и теперь Тони вспомнил подробности), наиболее эффективным из доступных запахов для перемещения между реальностями оказался запах скатола и соединений ему подобных. Скатола (C₉H₉N) содержится в основном в фекалиях, в некоторых маслах (включая жасмин, кто бы подумал) и в каменноугольной смоле. Он образуется при гниении аминокислот. В эту же группу зловонных веществ Тони включил также индол

(C_8H_7N) и сероводород (H_2S). Гвоздём программы, однако, являлся так называемый тиоацетон. Тиоацетон ($CH_3-CS-CH_3$) – летучая жидкость и, несмотря на довольно простую формулу, Тони считал её самой вонючей смесью на свете.

Он даже припомнил замечание Баффи, какой вонючий у Тони гаджет, когда они переместились при первом их совместном трипе из Vila do Conde в Метрополитен-оперу на премьеру «Петрушки». Он тогда потерял её (Элла сбежала, если точнее), после чего Тони раскис и долгое время ходил угрюмым, борясь с неврозом, склонный к неведению и выдавая её предательство за легкомыслие (что, в общем, тоже было правдой – зря он Ваньку валял).

Довольно много, короче, припомнил Гомес, узнав о находках Эфи Локошту, принявшись к запахам Провинстауна и запустив тем самым механизм эволюции своей копии, видно, и вправду, загруженной (догадка Ларри вполне оправдана) в пресловутую матрицу счастливой жизни после смерти.

Хотя, порядочно он и не знал, не вспомнив детали, к примеру, процесса получения смесей, перемещение на полюс (на Южный полюс к научной станции «Амундсен – Скотт»), «полёты» на Баффи, экзопланету Проксима-Б и, что удручало, принцип устройства «Браслета исхода». BEND (Bangle End) оставался загадкой. Как он вообще мог додуматься, блядь, устроить себе (ладно себе, но ведь и прочим, к тому же без спроса) загробную жизнь? Загробную жизнь где-то на облаке атласа прошлого. Найти бы сервер тот и изъять. «Разобрать на запчасти, извлечь драгметаллы, остальное, не знаю, – злился Антонио, – вывезти с мусором к ёбаной матери; будь он неладен, этот мусор».

V. Вывоз мусора

Если не вывозить отходы, это очень депрессивно влияет на моральное состояние. Некоторые устают бороться и так и живут среди мусора, как в выгребной яме.

Фредерик Бегбедер, «Интервью сына века»

Закончив работу с четвёртой главой, Антонио Гомес («Тони с приветом») решил вернуться к своей рукописи «Вывоза мусора». Его первая книга, как ни крути, рассуждал он, неплохо бы её издать.

Хотя бы попробовать. Вряд ли, конечно, найдётся издатель в здравом рассудке, который возьмётся это печатать, Тони ведь не писатель. Он не оканчивал филфака, не брал уроков, мастер-класса, не был артистом, известным спортсменом (подмена мочи поднимает продажи) или политиком – холуем Путина. Скорее просто пиздобол, а пиздобола читать не станут. На пиздоболе не заработаешь.

К тому же – язык. Роман на русском, а русскоязычных издательств на Западе не так уж и много. В основном те работают для местной диаспоры, развлечения ради и как-то вяло, если, конечно, это не «Ардис» четы Проффер. «Ардис», правда, закрылось с развалом Союза, не узрев перспективы. С таким языком ему только в РФ, но в РФ он изгой, перебежчик, предатель – там быстрее посадят, а то и убьют.

Разве что за свой счёт. Почему бы и нет? «Печать по требованию», к примеру. Он что-то слышал об этой методике. Не очень дорого и без цензуры, плюс публикация в Инете. Агрегаторы, странно, включая «ЛитРес», пока не боялись «неправильных» текстов. Видно, не время – у власти хватало забот и покруче. Дойдёт и до «ЛитРес».

Тут дело в рекламе, насколько он понял. Запретные книги в интернет-магазинах идут без рекламы. Иными словами, их как бы нет. Короче, иллюзия некой свободы. Хотя бы что-то, подумал Гомес, составил список возможных издательств и выбрал издательство «Геликон Плюс» Александра Житинского (Санкт-Петербург). Писатель, правда, недавно умер, но его предприятие исправно печатало, в том числе, андеграунд. Одно из немногих в РФ (единственное на самом деле среди известных). Остальные сотрудничали, по сути, с властью, хоть и делали вид, что они независимы. Эта манера притворяться была Тони противна, и он чувствовал себя Шендеровичем, Бродским, Оруэллом, являясь в действительности никем – пиздобол, да и только.

Приближался сентябрь. Он ждал этой осени. Осенью Тони всегда спокойно. Какая осень, правда, в Конди, Тони не знал – вот и узнает. На всякий случай помимо «ГП» он отправил рукопись в «Корпус», «НЛО» и «ЭКСМО» (шансов немного, но хоть посмеётся) и тридцатого августа, в воскресенье поехал на выставку в Берарду (галерея искусств в Лиссабоне, Museu Coleção Berardo).

О галерее он знал немного, хотя и писал о ней в своём романе, изрядно домыслив, естественно, но на поверку там оказалось ровно, как в книге. Не зря он шарил Интернет в поисках фото, описаний и отзывов, создавая тем самым эффект присутствия. Довольно сложно, но будет проще, не сомневался Тони, с развитием сайтов, программ и неизбежных приложений виртуальной реальности. «Виртуальной причастности» – в терминах Гомеса, имея в виду придуманный им однажды проект под рубрикой «Клубов виртуальной причастности» Джонни Фарагута.

В Берарду он надеялся (смутно, но всё же) обнаружить картины Антонио Гомеса из романа. Идея абсурдна – ясно любому. Так это-то и привлекало: не найдя там картин своего персонажа, Тони лишь улыбнётся и ему станет лучше. Одной догадкой станет меньше – он не такой уж шизофреник, как можно было бы подумать. Несмотря на диагноз, вполне подтверждаемый медицинским обследованием, Тони не верил в такой диагноз, считая шуткой свой

недуг и чьим-то вымыслом. Он же и выдумал вообще-то. Выдумал книгу, выдумал действие, а там ведь люди, их судьбы, драмы, любовь, их смерти. Болезнь придумана извне, бодрился Гомес. Неважно кем – автор любой, – ведь он и сам не брал уроков и не оканчивал филфака.

Не тут-то было. Осмотрев выставку эротической живописи (что эротичного в ней неясно – изображения, к примеру, юных девиц работы Эгона Шиле вызывали отнюдь не эротический подъём, а скорей отвращение; ни о каком влечении, даже мысли о мастурбации не могло бы возникнуть в окружении, казалось бы, весьма соблазнительных на первый взгляд образов), Гомес наткнулся на подборку небольших по размеру (примерно формата А3) картин его двойника.

С десяток-другой композиций (не то фотографий, не то действительно рисунков ручной работы) выставлялись под рубрикой «Пришельцы – мои друзья». К каждой картине прилагалось эссе (два-три абзаца, не больше) из жизни вымышленных инопланетян. С полотен открывались галактики в духе художественных интерпретаций «Хаббла», а заодно и чудо воображения: Тонины инопланетяне выглядели куда привлекательнее иных землян (уж русских точно), а короткие тексты о них легко запоминались. Больше того, от картины к картине тексты связывались в сюжет, хотя и так всё было ясно: жизнь за пределами Земли полна захватывающих событий – исключительно позитивных, без какого-либо насилия и, безусловно, близких любому приличному человеку.

И тут на одном из холстов Тони заметил, творилось нечто, что поражало: изображение стиралось и вместо прежнего возникало другое. Оно проявлялось, словно кто-то невидимый буквально тут же, в режиме реального времени писал новый сюжет. Скорей набросок: снова галактика (спирального типа), две-три планеты, а вблизи явно поверхность, схожая с марсианской. Один за другим проявлялись фрагменты неизвестной планеты: кратеры, камни, следы от ровера, ангар и с десяток тут же раскиданных скафандров (погибшие люди, ни дать, ни взять). Не смотря долго в бездну, припомнил Гомес страшилку Ницше, а не то бездна заглянет (ужас) к тебе в глаза.

Нечто подобное как раз и вышло. Тони, не выдержав взгляда бездны, опёрся о стену (в голове всё кружилось, немели руки, его тошнило) и отключился, кляня страшилку герра Фридриха и приняв положение эмбриона к изумлению посетителей выставки (гостей столицы, местных педер) и сотрудников Берарду.

Его двойник в то время от скуки делал наброски – по старой памяти – этюда с пришельцами, устроившись в доме с видом на бухту. В Монтоке будущего не спалось. Закончив с деталями новой планеты (кратеры, камни, следы от ровера), Гомес исправил скафандры на тени (длинные тени от здешней звезды). Погибшие люди ему ни к чему. Да и нет здесь людей. Как нет и пришельцев пока. Будут позже. Наверное, будут. Хотя, как знать. Он просто хотел насладиться покоем. Тони сделал приписку «Пустая планета» в левом нижнем углу, закурил сигарету и поднялся на крышу взглянуть на небо.

Небо было затянуто целлофановой плёнкой. Казалось, купол, и Тони в искусственном городе. Внизу колыхались бесшумно волны. На горизонте стоял корабль, мелькая огнями. Наверное, плыл всё же. Скорость и время, однако, являли теперь лишь понятия, никак не связанные на деле с реальностью. Так же и звуки. Был только запах. Запах Тониной сигареты, и то отражённый как бы в зеркале заднего вида.

С этим зеркалом ему и жить теперь, находя в отражении скорее бездну, нежели знаки – дорожные знаки ограничения скорости, ремонтных работ и близкой развязки.

На следующий день приехала Эфи.

– Привезла тебе телескоп, – заявила она с порога. – Узнаёшь?

– Узнаю, – сказал Гомес, подавляя волнение (что-то кольнуло; модель Celestron из 2017-го – носимый рефрактор). Он растерялся и, обняв Эфи, едва удержал себя. От слёз – это вряд ли. Скорей от признания (глупость, конечно), как он любит её. – Спасибо, Локошту.

– Полегче, Тони. Ты влюбился?

– Да, есть немного, – сознался Тони. – Унюхав запахи Кейп-Кода вчера, раскис. Кое-что вспомнил, короче. Тетради... Ты привезла свои тетради?

– Как обещала. Тетради, смеси, гербарий, гаджет.

Он приготовил им лазанью, салат из мидий. Морепродукты, согласно Верну, неисчерпаемый ресурс. Да, так и было: до восьмидесяти процентов потребляемой населением Земли пищи в две тысячи сотом приходилось на рыбу, морские водоросли и моллюски. За кофе Локошту достала тетради.

– У меня сигареты из две тысячи третьего. Настоящие Camel. В Лиссабоне купила, переместившись туда на побегу; сухие побегу каких-то злаков (из коллекции биофака в Понта-Делгада).

Дефицит сигарет в нынешних Штатах выглядел странно, но, опять же, понятно – к тому всё и шло. Запреты придумали ещё в девяностых. Люди смирились – итог предсказуем.

– В две тысячи третьем мы были дети, – промолвил Тони, взяв сигарету (она пахла небом над жёлтой пустыней; Сахарой, наверно – песок, два верблюда, воздух, колеблющийся мыльной завесой, натянутой снизу поверх горизонта). – И как там в третьем?

– Была недолго, примерно, с час. Прошлась по городу – спокойно. Куда свободней, чем в двадцатых. Люди смеются, цены ниже. Нет кризиса ещё, о русских (в смысле грядущей диктатуры) толком не знают. Кино, кафе, Green Day, Обама... Барак Обама даже не в планах. Много чего ещё не в планах, и оттого, в общем, прекрасно, зная о будущем.

Остаток дня Тони листал тетради Эфи. Эфи отправилась взглянуть на работы местных художников в павильоне вокзала (Montauk Train Station Art Gallery в прошлом, а ныне музей, по сути, ручных поделок).

Заметки Локошту, как он и надеялся, кое-что прояснили. Во-первых, смеси – как их готовить (довольно просто на самом деле), а во-вторых (и это главное), как управлять перемещением. Представить образ недостаточно (образ конечной цели трипа) – цепи нейронов, похоже, нуждаются в некой подсказке о точке в пространстве; пространстве и времени. Координаты как раз и содержатся в составе вдыхаемой клиентом смеси. Смесь отражает структуру клеток, а та уникальна и для растений, и, как Тони понял, вообще для ткани с ДНК.

Что ещё интересно – и он, и Эфи «летали» в космос, а Тони не помнил. Точнее, помнил, но очень смутно, словно придумал абзац к роману, и наутро забыл. Он был на Проксиме и Баффи, Эфи «летала» на Венеру, Сатурн и Марс. Он – за деньгами (золото, платина), а Эфи скорее из любопытства. То же с РФ – Гомес исследовал её реальности (параллельные измерения, «возможность острова», так сказать), Локошту бывала там просто от скуки и, надеясь приблизиться как-то к Тони. Она любила его, он не очень. «Довольно больно», – писала Эфи.

Он не стал реферировать её дневник, хотя думал, что надо бы, опасаясь забыть; помнить детали становилось сложнее. Тони казалось, он подцепил в своём «прекрасном сне» болезнь.

– Вирус ли это, Эфи, не знаю, – обратился он к Эфи с наступлением сумерек, устав от чтения, – или форма депрессии.

С ней и самой творилось нечто. Из головы не выходила одна поделка из музея. Весьма престранный экспонат: две краником соединённых колбы – одна с бактериями Марса, другая с плесенью какой-то. Вполне земной, согласно бирке: «Две формы жизни. Не открывать».

– Соединение опасно. Все понимают – не дебилы, но краны всё же открывают, – Локошту явно впечатлилась тем экспонатом.

– Теперь понятно, откуда BEND. И как вообще можно было додуматься устроить себе (ладно себе, но ведь и прочим, к тому же без спроса) загробную жизнь. Во всяком случае, с той

жизнью вполне естественно подумать о чём-то большем, – Тони осёкся. – То, что ты пишешь про каталог... каталог измерений (параллельных реальностей; он обошёл мне в полжизни – всюду пиздец) уже хватило бы любому сдохнуть от скуки. Даже не скуки – от безысходности; я ведь не знал больше, как жить.

– Ты покончил с собой?

– Похоже, да. Сейчас ты спросила, и что-то мелькнуло такое в памяти: море, лагуна, лодка, остров.

– Атолл Тарава, вероятно. Ты утонул. Во всяком случае, понятно, откуда Джо (всё тот же Джонни, что прописан в твоей программе Bangle End), а с ним и Генри, надо, думать.

– Профессор Ослик?

– Они друзья. Точнее, так: Ослика нет; он персонаж романа Джо, его герой и альтер эго.

Прямо как пазл. Впрочем, собрать его было несложно. Эфи просто сложила в сети два имени. Последствия, правда, весьма неожиданны: матрица в матрице получалось. Покруче, явно, романа в романе.

На самом деле Генри Ослик попал в сознание (в программу BEND) Антонио Гомеса посредством истории, которую поведал ему однажды Джонни Фарагут на Макине (остров Макин, Северный Гилберт, Кирибати). Захватывающая и почти детективная история, где главным героем как раз и являлся Генри Ослик – диссидент из РФ и профессор когнитологии Ширнесского университета в Англии. Тони всё понял. Он вспомнил также, что изготовил «Браслет исхода» и для Джо. Подарок с доставкой, можно сказать. Незадолго до смерти он специально переместился к Джонни в Москву из 2036-го в двадцатое сентября две тысячи четвёртого. Вполне разумно предположить, что Джонни тоже теперь находился где-то на сервере неподалёку, и уже со своими не только друзьями, но и с героями своих романов (как собственно и Антонио).

– Ты мог бы связаться с ним. А вообще интересно, – Локошту включила кофемашину, – где твой гербарий? Ладно бы гаджет, классификатор (не так уж и важно), но найди мы гербарий, могли бы вернуться в Москву, на Макин. Да в тот же Конди. Плюс измерения; их явно сотни.

– Десятки тысяч.

– Могли бы «поездить», «слетать» на Проксиму. Мне больше нравится, впрочем, Макин – тепло, лагуна, лодка, дом.

– Там называют их бунгало.

– Пускай, бунгало. Всё же лучше, чем здесь сидеть без сигарет и в окружении придурков. Того и жди, нагрянут копы (наручники, и всё такое).

– Особенно «и всё такое». Скорей на Скае (остров Скай, Портри, Шотландия). В двадцать девятом я бросил работу и перебрался из Конди в Портри. Возможно, Эфи, ты там бывала. Во всяком случае, писала о том периоде (пометки... я видел пометки в зелёной в тетради). Все наработки, каталог, гербарий, гаджеты, да всё там. Кстати, тогда же, придумав способ управляемого перемещения между реальностями, я решил начать заново каталогизацию измерений и собирать соответственно растения из тех мест, где побывал (пресловутый гербарий).

– В зелёной тетради?

Эфи открыла тетрадь, и точно – она писала о Скае так, словно бывала там. Описание местности, маяк, заметки из жизни местных, детали быта. Правда, о Тони и его доме (умный дом) не сказано почти ни слова. Приписка только на полях: «12-40-306,Gomes,12/29». Впрочем, неважно – главное номер. Под этим номером в гербарии Эфи хранились сухие ошметки мха с примечанием: «Скай, 18:02, 29/12/06, Тони нет. Видно, в море уплыл. Решил покататься. Дом закрыт, возвращаюсь. Замёрзла, устала».

Бытует мнение, что дневник – свидетельство расшатанной психики. Может, и так. И всё же записи Локошту им помогли. Лучше быть психом, как выяснилось, чем вечно носиться с миной нормальности, будучи снобом в тиши конформизма. Из мха получилась отличная

смесь, и ближе к полудню друзья уже прибыли к Тони на Скай, вернувшись в прошлое и обнаружив среди книг (бумажных изданий) Гомеса его дневник, коды программ и каталог параллельных реальностей. Каталог насчитывал около тридцати тысяч измерений, исследованных Тони в период с 2029-го по 2036-й годы, примерно тысяча из которых была доступна для посещения посредством собранных там растений (они собственно и составляли его уникальную коллекцию).

В отличие от гербария Эфи, где в основном содержались растения западной Европы середины десятых – двадцатых годов, коллекция растений Гомеса имела более обширную географию (от Южного полюса до РФ, Океании и восточного побережья США, плюс растения с обитаемых планет ближайших галактик, таких, как Проксима, к примеру) и распространялась вплоть до 2036 года. Правда, и акцент там был несколько иной. Достаточно было взглянуть на содержание его каталога, становилось понятно: русский отшельник сосредоточился, прежде всего, на территориях, ассоциированных с Россией (её анклавы, оккупированные земли и немногочисленные друзья РФ типа Ирана, КНДР, Венесуэлы или Сербии). Гербарий Тони носил, так сказать, политический окрас – уж очень интересно было взглянуть на параллельные измерения стран-изгоев. Весьма болезненный интерес, заметим, имея в виду, с каким упорством он в прежней жизни искал приличную реальность для своей родины, не теряя надежды, и всё же утратив её, не смотря на ворох, образно говоря, вывезенного мусора, и покончив с собой, утопившись.

«Верный способ добратся» – припомнил Тони увиденную как-то надпись в московской электричке. Объединив их гербарии, Локошту и Гомес действительно могли бы добратся, куда уж точно их не доставил бы электропоезд с логотипом собаки («Российский экспресс», надо думать; «РЭКС»).

Скай, между тем, был частью прошлого. Прошлого Тони, прежде всего. С момента, как он оказался в сотом году, Гомес впервые ощутил прилив покоя. Дом словно ждал его, тут же открывшись и запустив необходимое для обеспечения комфорта оборудование. Несколько опасаясь возвращения второго Тони, друзья включили контроллер присутствия; оказалось, нет – двойник из прошлого примерно с месяц назад покинул не только жилище, но и страну, пережив любовное приключение и доведя себя до стресса (медицинские показатели буквально кричали о нездоровье клиента).

– Зелёные кеды, – промолвил Тони, задумавшись, и поведал Локошту, как влюбился тогда в Эдинбурге, а любовь его, надо же, оказалась не только блядью, но и русской.

– А кеды при чём?

– Так, старый текст о невозможности влюбиться – а очень хотелось бы – в русскую после начала войны с Украиной (зелёные кеды тут символ улёта от эндорфинов). Откуда мне знать, вдруг она колорадка? Исходя из социологии, скорей всего так и есть. Думать о русской – это как думать о путинском электорате (хвастуны и неучи). Её образ стал воинственным, она нетерпима, вульгарна и перестала стесняться, усвоив главный позыв тогдашней РФ: не нравится – вали. С русской проблемы, короче. Надо валить, но там и влюбляться нет смысла, а зелёные кеды продаются в любом киоске.

– И всё же влюбился?

– Эффект заграницы, наверно, не знаю.

– Не знаешь, и ладно.

Они прошли к морю. Закатное солнце, казалось, качалось от сильного ветра. Да всё тут качалось. Качался катер, брошенный кем-то. Собака какая-то тоже качалась метрах в пятидесяти, маяк. Пристань у дома. Качались волны. Деревья качались, Тони с Локошту. Качалась антенна. Мир, словно ожил.

VI. Оживление

Итак, 30 августа 2015 года «Тони с приветом» потерял сознание, «заглянув в бездну», так сказать, осматривая выставку картин своего двойника из две тысячи сотого в галерее Берарду. Обморок, правда, длился недолго – персонал тут же вызвал скорую помощь. Помощь, однако, не потребовалась – к приезду медиков Антонио «ожил» и, выйдя прочь из галереи, вернулся в Конди.

О чём он думал? Думал, что болен, надо лечиться, болезнь запущена, но также казалось, что помимо болезни буквально в шаге от реальности есть другой мир. Виртуальный технически, но вполне ощутимый, как будто с будущим у него связь. Простая догадка, однако ж, кто знает – цифровая действительность грядущего времени едва ли исследована. Его двойник может быть как иллюзией (в голове сумасшедшего множество глюков), так и образом с сервера где-нибудь в Калифорнии, «достучавшимся» (мало ли) до больного сознания шизофреника Гомеса из Конди в пятнадцатом.

Пережив такой стресс и задавшись вопросами (весьма фантастическими, надо признать), Гомес, однако, не впал в удручённость, и даже напротив, заметно воспрял.

«Связаться с Джонни, – пометил он в графе заметок к роману о Тони из две тысячи сотого. – Связаться также с Генри Осликом (Генри полезен и как учёный, и как нормальный диссидент, коих не много; плюс тема связи персонажа и его автора в цифровом приложении)». И всё же книга давалась с трудом. Все эти обмороки, болезнь, догадки. Письмо – как майнинг криптовалюты (валюты будущего): заебёшься платить «Мосэнерго». Цена романа известна лишь автору. Издателю похуй – тому бы нажиться. «О, мы так рады издать вашу книгу!», – писали из Питера о «Вывозе мусора». Ещё бы не рады – 20 тысяч халявы, издавай, сколько хочешь (придурков хватает). Бизнес, как бизнес, короче – кладбище. Кладбище лузеров – ни дать, ни взять.

Прошёл понедельник. Во вторник он съездил взглянуть на Порту. Порту как Порту. Зато, вернувшись, Гомес столкнулся в кафе с Таней Лекстор (Мотя Левицкая – персонаж). Персонаж из романа про мусор, вымысел, но внешне такая же, как он и думал.

– Мотя Левицкая?

– Нет, это вряд ли.

– А так похожи. Простите, ошибся.

– Вы, верно, Гомес? – спросила «Мотя». – Антонио Гомес – учёный и дворник (о вас писали в местной газете – беглец из России).

– В местной газете?

– Я вас узнала.

– А я писал о вас в романе. В книге вы Таня. Татьяна Лекстор и Мотя Левицкая (второе имя).

– Как интересно.

– Хотите кофе?

– Любви и секса, – «Лекстор» смутилась. – Шучу, конечно. Кофе и сэндвич, если можно (с утра не ела).

Ладно бы это. Она, как и Лекстор, была из Польши (из бывшей Польши – из Дрогобыча, Украина). Работала в МЕО (провайдер связи). Её звали Кэт. Кате Мицкевич хотелось любви. Любви, эндорфинов (того же, что Тони). Оба словно влюбились с первого взгляда, хотя на деле просто хотели найти кого-то, кто внутренне близок. У двух эмигрантов в чужой стране куда больше шансов встретить друг друга, нежели прочим.

В какой-то момент Тони сделалось дурно. До него вдруг дошло: они эмигранты. Как таджики в РФ или пара сирийцев в резиновой лодке, не спасшихся бегством и утонувших у

берега Турции, в нейтральных водах. Два беглеца, балласт, отверженные. Впрочем, без родины даже забавно. Словно игра (игра на макбуке). Компьютер сломался, а они где-то в памяти так и остались (сломанной матери) героями квеста. Графика так себе, зато живые. При должной способности к воображению почти как люди в реальной жизни.

– Мы что, ожили? – спросила Кэт наутро Тони.

– Похоже, да, и, как ни странно, было прекрасно (Адам Мицкевич был бы рад).

– Ты всё смеёшься.

– Так наш концлагерь тем и жив.

– А смех основан, по Воннегуту, на остром разочаровании или жутком страхе, – встала Кэт, и, сославшись на нехитрую мысль Воннегута-младшего (из интервью журналу «Плейбой»), приуныла. – В газете писали, ты псих, это правда?

– Да, есть немного – раздвоение личности.

– И как это выглядит?

Он рассказал (как это выглядит) о персонаже его романа (двойник из будущего, сотый год, «Браслет исхода», Монток, Эфи, российский халифат, Пильняк) и как-то сник:

– Такое дело.

Настала пауза. Мицкевич, словно брала два интеграла: идти ей замуж и что дальше? Математика оказалась весьма запутанной, и она доверилась интуиции.

– Ты ведь любишь её?

– Пильняк?

– Баффи, Эллу (неважно), Эфи.

– Дело в этом, ты думаешь?

– Думаю. Мне пора, Тони.

«Луна. Луна и уличный фонарь, – записал он позднее, – вблизи почти неразличимы. Зато, взглянув издали, мы отправляем текст в корзину». Они расстались так же быстро, как собственно и повстречались. Сеанс оживления, можно сказать, состоялся, но ненадолго.

Чего не скажешь о Тони на Скае. Прогулявшись у моря, где всё качалось (мир, словно ожил), Гомес и Эфи вернулись в дом и, почитав кое-что из Уэльбека («Остаться живым» и фрагменты «Платформы»), предались любви. Не беря интегралов, не строя иллюзий, эти двое в отличие (что с них взять – персонажи) от Мицкевич и Тони («Тони с приветом») были несколько ближе к пониманию счастья. Когда ты мёртв уже, много не надо. Немного секса, предпочтений из прошлой жизни, включая книги, мораль и быт. Добавим к этому интригу – с интригой как-то интересней. Ночь выдалась долгой и, сменяемый любопытством, дождавшись утра, Гомес связался по сети с Джонни. Связь была так себе – видно, и вправду их сети являлись частями различных миров виртуальности.

– Какого хуя, – ответил Джонни, – в такую рань?

– Джонни, прости. Это Тони. В Европе нормальное утро, или ты в Штатах?

– Антонио Гомес?

– Да, это я.

– Блядская связь, Тони. Толком не знаешь, откуда звонят. Не ждал, извини.

Фоном у Джонни играли Thrice («The Flame Deluge»). Стало теплее. С годами музыка кажется частью собственной жизни; отсюда симпатии и напротив – чуждая музыка отдаляет.

– Слушаешь Thrice?

– А что ещё слушать. Браслет твой, что надо.

– И как тебе будущее?

– Я в прошлом, Тони. Из сорок шестого вернулся назад. Не в первый раз уже. Сейчас в Кирибати. Двадцать девятый, всё верно?

– Верно.

Тони смутился. Он и забыл, что находится в прошлом. Две тысячи сотый сдвинул весь график (весь трафик мысли – если тут трафик и всякие планы вообще уместны). Гомес поведал Джонни о будущем. Тот удивился:

– И зачем?

– Не знаю, Джо, всё заебалось. Если где-то и будет лучше, казалось, то в сотом. Стране нужно время. Время, чтобы очухаться, прийти в себя от диктатуры и поумнеть. Чем больше времени пройдет, думал, тем лучше.

– Но ты ошибся?

Да, он ошибся. Тони признал, что заблуждался и «русский путь» – это пиздец. Пиздец какой-то, но сейчас... Сейчас он тих, ему спокойней, почти не больно и его занимают простые вещи. А ещё занимают такие вещи, как пространство, время и точки, в каком-то смысле, пересечений виртуального и реальных миров. К примеру, в сотом тоже есть Джонни, он создан Тониной программой, но Джо-двойник из Кирибати, как ни крути, а в той же сети (с ним Генри Ослик и бог его знает какие герои ещё романов). Сеть, в свою очередь, реальна. Она вполне материальна в виде хранилищ банков данных, и реальные люди (люди из жизни) в теории могут к ним подключиться.

– Вот что занимает, – Гомес запнулся. – Был рад услышать, Джо. Ты с Викой?

– Взаимно, Тони. Вика здесь. Она и здесь, и там, вообще-то. В сети мы вместе, нам не скучно. Ты что-то спрашивал о Генри. Вам надо встретиться, короче. Попробуй с ним соединиться. Считаю, что опыт. Пространство, время, пересечение миров, как ты сказал, – заметил Джо, и отключился.

– Ну, что, интрига? – спросила Эфи.

– Авантюра. Мы едем в Лондон, но сначала, если не против, в Кирибати. День или два. Море и солнце (зима достала).

– Там Джон и Вика. Скорее Вика, я права?

– Вполне возможно. Я скучаю. Не зря она в моём «Исходе».

– Ты ведь её совсем не знаешь.

Чем меньше знаешь, тем любимей, тут Гомес прав. Близость влюблённости помеха. Зато редкие встречи ей помогают. Создают впечатление скорых признаний, взаимной симпатии и грядущего секса.

Переместившись на Макин, и тем самым приблизившись к Ви, Тони, и точно, весьма охладил к ней. К тому же Вика его не узнала, как и Захаров (Митя Захаров – приёмщик брака в магазине компьютеров, а ныне директор «Виртуального клона»). Другая реальность, короче. Зато узнал Джонни. Джонни обрадовался. А что до Эфи, она и вовсе казалась на небе.

– Ну, наконец-то. У нас друзья и здесь тепло, – Локошту словно ожила. – С Викторией непросто, но любопытно.

Достаточно голоса, пришёл Тони к выводу, представившись Ви и вступив с ней в полемику. Темы обычные: погода, политика, выборы, кризис, но слышать голос (любимый голос) было, как если бы снова влюбиться. Снова и снова сюда возвращаться – из книги в книгу – виделось чудом. Гомес стеснялся, и всё же со временем мозги и скромность пришли к компромиссу – он сделался проще: минимум мыслей, слова ни о чём – сексуальный туризм в цифровом приложении. В первый же вечер они обкурились и устроили пати, занявшись любовью – каждый со всеми. Ближе к рассвету Ви и Локошту кончили вместе.

Как мало надо для счастья людям, подумал Тони уже в постели, обнявшись с Эфи в бунгало Джонни и возвращаясь к сексу с Викторией снова и снова. Снова, пусть мысленно и лишь по памяти, но осязаемо, чуя все запахи, тепло и контуры едва знакомой ещё вчера любимой Ви. Тут же и ревность: войдя в Россохину, он вдруг заметил, как Джонни больно, а он был счастлив. Несправедливо, конечно, и всё же: хотя бы на время Тони и Ви (маркетолог из «Клубов вир-

туальной причастности») соединились, пусть и отчасти повредив – потери, ясно, неизбежны – чудо влюблённости.

– И как тебе Ви? – спросил Джонни за завтраком (омлет, помидоры, ром-кола, кофе).

– Она интересна.

– А в плане секса?

– И в плане секса.

– Ты не влюбился?

– Есть немного. Не в этой жизни, правда, Джо. Она ведь даже меня не помнит – тогда был пофиг, и сейчас. А что до секса прошлой ночью, мы просто цифры.

– Просто цифры?

– Да, алгоритмы, память, коды.

– Ладно, пусть так. У меня просьба. Можешь отправить, как тогда (в тридцать втором), меня назад?

– Москва, две тысячи четвёртый?

Джонни кивнул:

– Не из-за Ви, нет..., слишком поздно – просто побыть.

– Могу, наверно.

Тони проверил свой гербарий и, отыскав траву четвёртого (в основном листья – листья каштана, ясеня, клёна), приготовил немного смеси.

– Сентябрь пойдёт?

– Да, всё равно.

Джонни и выглядел, будто действительно ему до лампы, куда закинет его судьба, лишь бы подальше. Гомес, однако, склонялся к другому – «изгой, враг народа и диссидент» в цифровом исполнении хотел перемен. Иначе говоря, старый Джо заебался от скуки и нуждался в разнообразии.

Прощаясь, Джонни оставил записку для Генри Ослика, где объяснил суть положения, представил Тони с его подругой и просил им довериться. По замыслу, Гомес должен был переправить учёного в Москву две тысячи четвёртого для встречи с «автором» (цитата) и, спустя день, вернуть назад. Признаться, Гомес удивился: придумав Генри, Джо ни разу с ним не встречался, хотя и мог, введя в браслет («Браслет исхода»), предпочитая метод Тони.

– Не знаю, Тони, так надёжней...

– Как скажешь, Джо, но есть проблема.

Проблема же заключалась в следующем: у Тони не было ни смеси, ни даже травинки из Лондона Генри. Иными словами, добраться до Ширнесса он и Локошту могли только транспортом, и то лишь в доступном гербарии времени, а это опять же или четвёртый (четвёртый год, Москва, Россия), или не раньше девятнадцатого (Понта-Делгада) и так далее – там практически любой год вплоть до тридцать шестого.

– Решайте сами. В четвёртом году Генри только окончил школу, так что бессмысленно, четвёртый год вам не подходит, – Джонни задумался. – А дальше всё просто – с учётом событий.

В две тысячи четырнадцатом году, согласно хронологии Джо, Генри бежит из Московской психиатрической клиники на Мосфильмовской и тайно мигрирует в Великобританию. Первое время он работает продавцом в букинистическом магазине Клода Вулдриджа в Лондоне, а в 2015-м поступает на службу в Ширнесский университет (Ширнесс, остров Шеппи). Он занимается искусственным интеллектом, ведёт практические занятия со студентами и разрабатывает так называемую «Модель крокодила» – основу будущих его гаджетов дополненной реальности линейки «DARVIN»: DARVIN Curiosity, Impression и Crocodile. В восемнадцатом Генри уже профессор, а с приходом Путина на четвёртый срок, Ослик регулярно посещает РФ (в интересах науки и набраться страху, так сказать – страх стимулирует работу мысли). Как

правило, он уезжает примерно на месяц каждый ноябрь. Остальное время за редким исключением учёный проводит в Ширнесе, иногда выезжает в Лондон на своей Audi ТТ, пока в апреле тридцать шестого не отправляется в составе частной экспедиции на Марс.

Пусть девятнадцатый, подумал Тони, как раз из Понта и приедем. Реальность, правда, там другая, отличная от основной, но Путин тот же, Крым у русских. Локошту, впрочем, сомневалась:

– Вообще-то, с Крымом там в порядке.

Проверили, нет, не в порядке. Крым оккупирован, и даже Харьков, помимо Лугандона, блядь. И всё же Эфи не сдавалась, предпочитая Портри (Скай), двадцать девятый – ехать ближе и ей казалось интересней: в двадцать девятом больше драйва, больше интриги, современной, а мусора ничуть не меньше. Может, и так. Тони, признаться, было похуй: гаджетов Ослика Гомес не помнил, чем интересен был бы Генри, Тони не знал. Он собирался лишь выполнить Джоннину просьбу, увидеть Лондон и пополнить гербарий новой травой.

Новые листья, другая жизнь.

– Другая жизнь? – Локошту хотелось как-то помочь.

Словами, однако, вряд ли сможешь. «Да и вообще, – припомнил Тони Мишеля Уэльбека, – никто не может ему помочь..., собеседник лишь вежливо посочувствует..., человеческие отношения гроша ломаного не стоят» (Мишель Уэльбек, «Карта и территория»). Что же до мусора (в другой жизни), мусор всё тот же – форма другая. Цифровой мусор, можно сказать, где вместо метлы – утилиты очистки, корзина – в левом углу экрана, мести не надо ни бордюры, ни тротуар; свобода воли в чистом виде: не нравится – «delete» и на хуй.

Простота уборки, впрочем, не отменяет самой грязи. Как и в аналоговой действительности, в цифровом приложении люди по-прежнему оставались людьми с присущими виду хитростью, склонностью к конформизму и вполне себе управляемостью вплоть до любви к своим диктаторам и ненависти к более храбрым, не говоря уже об умных и предпочитающих унижению свободу.

Что ж, Скай, так Скай.

– А где же Джо? – спросила Вика, нарядившись для вечеринки снова ночью (секс увлекает).

– Джонни отправился в четвёртый для встречи с вами, а не «побыть», скорей всего («просто побыть», как он сказал), он ведь вас любит. Любит давно, ревнует...

– Любит?

– А вы не знали? – тут Тони явно усомнился, что Ви не лжёт.

– Не лгу, конечно.

– И вы хотите?

– Чего хочу?

– Снова увидеться с ним.

– Вряд ли.

Вика задумалась.

– Он странный. Бывает, слова не добьёшься. Сидит себе, картины пишет, что-то придумывает молча, а после тихо уплывает к себе на остров.

Разве что секс.

– В любви он словно оживал, – призналась Ви.

Они регулярно тут занимались групповым сексом, что, по-видимому, компенсировало издержки Джонниной влюблённости и вводило в заблуждение Вику Россохину относительно его чувств к ней.

Чего не скажешь о Тони с Локошту – они всё знали. Эфи любила его, правда..., как-то всё тише и без иллюзий, а он и вовсе охладил к ней, испытывая лишь дружескую привязанность, иногда смешанную с сексуальным влечением. Вернувшись в Портри, они пробыли там

до выходных, морем доехали до Эдинбурга (кафе, бутики, секс в отеле), а дальше поездом до Лондона.

Для обоих это был первый визит в столицу Великобритании, и оба вскоре испытали культурный шок: Лондон казался им знакомым, словно они провели тут полжизни.

– Я словно жил тут, – заметил Тони.

– Книги, кино, реклама, память, – Эфи искала объяснений и, в общем-то, была права.

Механизм постижения реальности с развитием технологий (особенно в период пост-правды, вызванный всплеском популярности мобильного Интернета и соцсетей) существенно изменился. Помимо практического опыта, всё более серьёзную роль в когнитивных процессах человеческой сущности теперь играет опыт воображения. Заметим в скобках, именно опыт воображения (включая, естественно, ложь и домыслы) создаёт эффект безусловного знания окружающей действительности и на основе всего лишь подсознательных образов. Образов, взятых из рекламы, кино и книг опять же.

К вечеру понедельника, нагулявшись в окрестностях галереи Tate Modern, друзья взяли в прокат машину, связались с Генри (да, Ослик ждёт их) и спустя время (час, может, больше) прибыли в Ширнесс.

Часть вторая. Макет обложки

Мы давно уже поняли, что этот мир разрушить нельзя, как нельзя переделать или остановить его бег. И существовала единственно возможная модель сопротивления: не принимать его всерьёз.

Милан Кундера, «Торжество незначительности»

1. Две самодельные открытки

«Ширнесс – странное место: без особой архитектуры, стиля и настроения, он удивительным образом очаровывал», – записал Тони («Тони с приветом»), простившись с Кэт (Катя Мицкевич таки не вынесла его раздвоения) в ночь со второго сентября две тысячи пятнадцатого года. В Конди всё стихло. И дальше: «Тихо, людей не видно, а те, кто есть – спокойны и приветливы. С десяток улиц, университет и море. Море билось о камни, смеркалось, в воздухе стоял запах водорослей. Водорослей, рыбы и, казалось, ёлки. Канун Рождества прочно ассоциировался у Тони с ёлкой. Что до Локошту, та заметно прибодрилась, предвкушая еду. Так и случилось. Генри встретил их в фартуке. Из кармана выглядывал пучок петрушки и деревянная лопатка для спагетти. Ослик улыбался и с виду напоминал Бена Уишоу в роли Себастьяна Флайта из фильма «Возвращение в Брайдсхед». Чем не кино? – подумал Тони. Если Генри был Себастьяном, то Эфи вполне могла быть Джулией Флайт, а он соответственно – Чарльзом Райдером».

И все же странно, Кэт показалась ему вполне разумной. Могли бы просто быть друзьями, о чём-то там болтать смешном. Он не тащил Кэт «под венец». Пиздец, короче. С каждой встречей он ощущал себя всё хуже, словно был проклят. Видно, не стоит и пытаться. Быть одному, впрочем, неплохо. Во всяком случае, он не в России, есть дом, работа, пишет книгу. Чего ещё желать изгою.

В последнее время он напоминал себе Мишеля Джерзински из «Элементарных частиц» Уэльбека. Такой же задроченный, нелюдимый и, надо же, с амбициями: у Тони появилась вдруг цель стать писателем. В отличие от Мишеля, правда, Тони бесило даже чисто профессиональное общение; в данном случае с книгоиздателями. Обращаться к издателю с рукописью (с первым романом, тем более) – занятие геморройное, а для приличного человека, или, как Тони, чрезвычайно застенчивого, и вовсе унижительно. Из тех ситуаций, когда хитрожопая посредственность (неважно, опытный редактор или стажёр), небрежно пролистав две-три страницы, вальяжно сплюнет, не подумав хотя бы что-то там ответить. К примеру, «Нет, спасибо, Тони». Русский издатель или трусит, или же болен собственной важностью. Вероятней, и то, и другое. К тому же, Тони полагал, что та же херь творится всюду, и свойственна не только русским. Издатель хочет быстрых денег, а для халявы нужен автор, чьё имя было б на слуху; во всяком случае, не мальчик с дебютной вещью (если, конечно, наш издатель не Максвелл Перкинс, но Перкинс умер, умер давно).

Итак, не желая иметь каких-либо сношений с хитрожопым издателем, Тони решил брать измором, издавая романы исключительно за свой счёт и публикуясь в Интернете на сайте «ЛитРес» и сайтах пиратских агрегаторов, в избытке представленных на просторах Рунета. Продвинутый самиздат, в некотором роде. Заметят – ладно, нет – так нет.

Ослик тем временем встречал гостей (пучок петрушки, Бен Уишоу), но, прочитав записку Джонни, заметно сник.

– Это ведь шутка?

– Нет, не шутка, – ответил Тони, улыбнувшись, – но не волнуйтесь, всё в порядке.

– Как же в порядке, если нет? Если какой-то дядя пишет, что я всего лишь персонаж его романа, ищет встречи, к тому же, в будущем. Нормально?

– Смиритесь, Генри, мы в машине. В компьютере, если хотите.

– Нет, не хочу.

Он так и знал. Тони всё знал – теперь придётся объяснять, а объяснять будет непросто. Он хочет есть, Эфи устала.

– Генри, давайте поедим. Так вкусно пахнет. Я постараюсь объяснить и, если вы не захотите, никто вас принуждать не станет встречаться с Джонни. Вы согласны?

– Даже не знаю. Есть спагетти. Эфи, вы любите спагетти?

– Всё, что угодно, вот возьмите, – Локошту протянула Генри две самодельные открытки и книгу среднего формата в твёрдом переплёте. – Роман-исследование о жизни учёного, предпринимателя и астронавта Генри Ослика, то есть, о вас, Генри. На открытках представлены две картины. Вы нарисуете их вскоре, прибыв на Марс в тридцать шестом (из галереи Берарду, смотрите дату – сотый год). Давайте есть, потом поспим, вы почитаете немного и утром всё решите сами.

Роман назывался «Ослик Иисуса Христа». Взглянув на обложку, Генри скривился – ясно, что обыгрывалась его фамилия в контексте взаимоотношений, если можно так выразиться, библейского ослика и левака из Назарета с претензиями на кресло генсека компартии. «Древнего Рима», – подумал учёный (ладно учёный – астронавт), и поостыл, чуть усмехнувшись абсурдной аллюзии. Странное сопоставление, хотя и понятное, в общем: Генри и сам ощущал себя излишне покорным, этаким осликом, на котором все ездят. Довольно увесистый и обильно иллюстрированный фолиант (живопись, фотографии), согласно выходным данным был издан (или будет – тут у Ослика начинался ступор) в Wooldridge and Anemones (издательство «Вулдридж и анемоны», Лондон) в 2039 году. Что особенно удивляло, в качестве автора значилась Осликова подруга и довольно известная среди русской диаспоры в Лондоне писательница и диссидент Наташа Лобачёва.

– А как же Джонни? – Генри подался было к Эфи.

– Джонни придумал и Наташу.

– Может, и вас придумал?

– Может, – Эфи устало пожала плечами. – Вы, верно, знаете её?

– Вообще-то, знаю, мы друзья. Ездил за нею в Благовещенск, помог уехать из России, а позже познакомил с Клодом. Клод Вулдридж – издатель, насколько я понял. Станет, точнее им, да?

– Так и есть. Вот вы и схватили суть, Генри. Мы в книге, а то, как попали мы в книгу (в машину, компьютер), расскажет мой друг и такой же, как я персонаж, Антонио Гомес. Спасибо за ужин.

У Тони буквально отъехала челюсть. Гомес был тронут. Придя на помощь, Эфи решительно его спасла, убедив Ослика, кто он и где.

– Кто мы и где, – промолвил Генри, скорей просто так, без всякого смысла. В руке дрожала сигарета. Тони с Локошту могли бы, конечно, что-то ответить, но не спешили. Да и отвечать, собственно, не хотелось – что толку.

Ближе к полуночи они вышли на улицу и, спустившись к морю, запустили петарду. Та взмыла в небо и у звезды (вероятно, Полярной; скажем так, Вифлеемской) мгновенно распалась от сильного взрыва на сотню таких же, но меньше размером, что вскоре исчезли. Рождество в цифровом исполнении получилось не хуже обычного, разве что чёткость изображения казалась выше, а временами и вовсе неправдоподобной. Как бы усиленной, что ли. Наутро Ослик признался, что с их приездом ему стало лучше.

– Спокойней и проще, известна цель. Карта красивой, – выдал учёный, – куда красивой снимка Google.

Вот и прекрасно, думал Тони. К обеду он снабдил героя возвратной смесью и, пожелав ему успеха, отправил Генри в «новый мир». Вернуться в прошлое несложно – макет обложки вместо книги. Какая, к чёрту, корректура, этапы вёрстки, статья попытка хоть чем-то в жизни, ерунда... Две самодельные открытки – и все дела.

– И все дела? – спросила Эфи, обнаружив, вернувшись из бутика напротив, бездыханное тело выдающегося когнитолога.

– А что тянуть, – ответил Тони. – Пора и нам линять, что скажешь?

– Здесь любопытно.

Ширнесс и впрямь чем-то притягивал. Что-то в нём было такое, как будто город воссоздан для съёмки фильма (а не создан для жизни) и будет разобран – стоит уехать. В каком-то смысле так и будет: закрыв приложение, система тут же чистит память, освобождая место для очередной аппликации.

На самом деле профессор кое-что скрыл от них, как и Джонни в общем-то. Внимательно изучив книгу Наташи Лобачёвой, Локошту знала об этом, и теперь, когда они выполнили Джоннину просьбу, отправив Ослика в 2004-й, решила пооткровенничать с Гомесом. Согласно исследованию Лобачёвой, Ослик и Джонни были героями одной и той же истории. Джонни врал им, представляя всё дело так, будто он автор, а Генри – лишь придуманный им персонаж. Оба знали друг друга, у них были общие друзья (Вика Россохина, к примеру, из «Виртуального клона»), более того, они и на Марс улетели вместе в тридцать шестом. Оба не вернулись. Так что им было, к чему подготовиться. Возможно, Джо и задумал эту их встречу в Москве четвертого как некий пролог к грядущему приключению на страницах романа.

– И всё же странно, – изрёк уныло как-то Гомес. – Выходит, нас с тобой придумал тот же писатель, что сочинил Джо и профессора. Наташа? Что-то не помню, хоть убей, Наташи Лобачёвой, Эфи.

– Наверно, есть другой писатель.

– Другой писатель?

– Что ж такого? Писателей всегда хватало. Смотри, у Генри сколько книг.

И действительно, домашняя библиотека Ослика насчитывала, по меньшей мере, томов шестьсот и кроме научных изданий (преимущественно по математике, биологии и искусственному интеллекту) включала обширную коллекцию художественной литературы. Последняя была представлена более-менее современными и исключительно западными писателями (примерно от Байрона до Бернара-Анри Леви), если не считать отдельной полки с античными авторами. Неплохая коллекция, надо признать, – там тебе и «Одиссея» Гомера, и «Лисистрата» с «Облаками» Аристофана.

– Ладно, когда-нибудь узнаем, хотя, признаться, всё равно, – Тони взглянул на две открытки (две самодельные открытки), – какой там автор.

– Вполне приличные картины. Генри неплох и как художник, – сказала Эфи. – Писатель явно из эстетов (тот, что придумал нас). На Марсе картин не многие писали. Может, у Брэдли, не помню. С ними летала, кстати, Ви.

Тут Тони ожил:

– Ви на Марсе?

– Представь себе.

И он представил, а представив, вдруг ощутил приливы ревности. Он тоже хотел бы быть с Викторией на Марсе. Вдали от людей, Фейсбука и быта; привычного быта, что отупляет, принуждая всё время что-то выдумывать, чтобы быть выше рутины, грязи, столкновений с самим собой.

А, вообще, интересно, способен ли автор влюбиться в придуманный им же персонаж? Наверно, способен, ведь Тони влюблялся в обычной жизни в порноактрис, скажем. Влюблялся,

конечно. Влюбиться в образ ничуть не хуже реальной связи, а, поразмыслив, – даже лучше: не нужно ничего менять, ни угождать, ни притворяться и в результате не терять (офлайн потери неизбежны).

Вернувшись в Портри и не в силах выкинуть образ из головы (мусор так мусор), Тони решил переместиться в далёкий космос, куда-нибудь на астероид или комету. Хотя бы что-то.

– Терапия? – спросила Эфи.

– А что делать?

– Да что угодно.

Носиться в космосе и впрямь было нелепо. Опасно, глупо, некомфортно. Если лететь, призналась Эфи, то лучше уж на Марс, как Ослик в тридцать шестом. Переместиться на картину (две самодельные открытки).

– Почему нет? Во всяком случае, не знаю, увидишь Ви свою, к примеру. Обратное можно не спешить, если, конечно, согласятся Ослик и Джонни нас терпеть. Там неплохой вполне ангар, насколько следует из книги Наташи Лобачёвой, правда... мы не увидим остальных.

Под «остальными» Локошту имела в виду остальных участников той экспедиции. Не считая голубя Маркуса (реального голубя, Ослик подобрал его раненым неподалёку от Хитроу), в состав космического тура входили: Паскаль Годен – инженер Matra Marconi Space (M.M.S.), Катя Смит – маркетолог и дизайнер M.M.S., Ингрид Ренар – куратор галереи Tate Modern, подруга Ослика, и Энди Хайрс – коллега Ренар и специалист по современному искусству в странах бывшего СССР и Восточной Европы. По мнению Эфи, они не увидят среди обитателей марсианского поселения № 21 «остальных», поскольку те не были включены ни в список «Браслета исхода» Гомеса, ни в аналогичный список Джонни Фарагута. Логичное объяснение, так оно и было, наверно.

– Нужны скафандры.

– Вряд ли, Тони, мы ведь в программе.

– Откуда ты знаешь?

– Уже летала.

– Уже летала?

– Переместившись на комету Чурюмова – Герасименко, пока ты бегал по Москве.

– «Опасно, глупо, некомфортно» – твои слова...

– Это лишь шутка. Хотелось просто убедиться, что Ви тебе безразлична.

Вика действительно была Тони безразлична, и чем дальше, тем безразличней. Он и сам удивлялся, понимая, что предыдущему его увлечению приходит конец: Элла больше не трогает. Во всяком случае, он больше не испытывал к Баффи слепой привязанности. Смена реальности, похоже, всё изменила. То ли программа виновата, то ли он попросту устал. Устал любить одну и ту же. Оно и ясно, сколько можно.

– Ладно, пусть так.

Они собрались. Однако, странно, переместились не на Марс, а в галерею Tate Modern две тысячи сотого, где Эфи сделала когда-то фото картин Генри Ослика для самодельных открыток. Механизм перемещения на фотографии сработал не так, как планировалось. Всё, вероятно, из-за копий, подумал Тони, и точно: сконцентрировав взгляд на оригинальной композиции под названием «Поселение № 21, вид из ровера на закате» работы Ослика (масло, холст), друзья испытали весьма неприятный приступ тошноты и спустя интервал, очнулись в окружении друзей-астронавтов. Над ними склонились Джо, Ослик и Ви, на лицах которых застыли упрёк и ужас.

– Какого хуя! – вскричал Джо.

Напрасно, впрочем. Обессиленные Тони с Локошту взирали на Джонни с видом оскорблённой невинности и, стараясь выдавить из себя подобие улыбки.

– Крадучись и загадочно поглядывая на вас, дорогу переходит чёрная кошка, – промолвил Тони. – И что ж? Не знаю, – Гомес подозрительно закатил глаза. – Каждый день что-нибудь случается, а случившееся отличается лишь степенью ужаса. Боязнь суеверия, короче, зависит от формы, цвета и позы крадущихся мимо животных; иными словами, от меры принятия колонистами Красной планеты учения Дарвина о происхождении видов.

Тони, наверное, сошёл с ума. Однако ж, нет, минутой позже он улыбнулся и произнёс почти как разумный и пребывающий в здравом рассудке колонист:

– Мы привезли вам маму кошку и двух котят.

– Коты на Марсе! – Ви тут же кинулась к котам; те выползли из сумки Тони с дурацкой надписью «M-1 Великие чемпионы» по-английски, и ошалело озирались, будучи хоть и чёрными, зато с небольшими вкраплениями белого на мордах и вполне себе религиозно нейтральными в компании истинных дарвинистов.

– Вы кто такие? – спросил Ослик.

– А я вас знаю, – просияла, обняв котов, Вика, – вы Тони!

– Знакомьтесь, Генри, это Тони, – вмешался Джо, – с коллегой Эфи. Мои друзья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.